

Школа негодяев

Автор:

Ян Валетов

Школа негодяев

Ян Михайлович Валетов

Ничья земля #4

«Школа негодяев» – это четвертая и заключительная книга тетралогии «Ничья земля»: «Ничья земля», «Дети Капища», «Дураки и герои», «Школа негодяев». Продолжается одна, главная, линия – борьба за выживание на «ничьей земле» Михаила Сергеева, бывшего оперативника ГРУ, пенсионера после развала страны. Он вынужден рассчитывать только на себя и своих близких друзей. За что он теперь воюет? За какую страну? За какую справедливость? Вот он принимает решение отдать заведомым террористам возможный компонент оружия массового поражения. Обдумав, понимая, что это означает сотни тысяч погибших – и отдает. Потому что эти страны, где будет применяться такое оружие, теперь его не интересуют. Его интересует только его окружение, его друзья, жители ничьей земли, вынужденные выживать тут, за колючей проволокой. Это книга о дружбе, об одиночестве, о любви, о предательстве, о политике тайной и явной, о грязи, с ней связанной, и грязи настоящей, о Конторе, о людях. Она не всегда фантастична, что немного страшно.

Ян Валетов

Школа негодяев

Where there is an end,

There is a beginning...

Часть 1

Глава 1

Можно было всматриваться в белую пелену до боли. За ней восточный берег терялся – как и не было его. Над ледяным полем Днепра крутила вензеля поземка, мелкая и жесткая от мороза снежная пыль взлетала вверх и терялась в низких облаках.

– Похоже, что завьюжило на целый день, – сказала Саманта, опуская бинокль. – Я бы в такую погоду перескочила бы на ту сторону на «раз, два, три», но только сама. С твоим подопечным под брюхом так не получится.

Они лежали на небольшом пригорке, метров за сто до береговой линии. Находиться тут было небезопасно, но без рекогносцировки было не обойтись. Конечно, Сэм знала здешние места хорошо, но за Али-Бабой шла охота, а это значило, что помимо усиленного спутникового наблюдения за секторами пригодными для пересечения границы, пассивных и активных сенсоров, колючки, минных полей, автоматических стрелковых гнезд и прочих банальных радостей, их вполне мог ожидать отряд чистильщиков. А чистильщики – это тебе не обычные войска охранения, замученные монотонным несением службы, плохим питанием и пьянством, а элитный отряд убийц в тяжелых бронежилетах, адресированных охотиться за людьми, плюс огневая поддержка в любое время суток.

В любое другое время Сергеев прошелся бы по своему берегу, как по бульвару, заложив руки за спину, но сегодня они с Самантой лежали на пригорке тихо, как мыши в кладовке при приближении кота. Мыши, правда, были крупные, наряженные в зимние маскхалаты, с белыми чунями на берцах, и даже бинокль у них был маскирован в цвет снега.

В такой вот круговерти противник мог спрятать не одну роту и не две. Но и Сергеев мог бы воспользоваться непогодой для скрытного перемещения.

Сложность состояла в том, что, не зная наверняка, где именно враг затаился, можно было совершенно случайно налететь на боевое охранение и погибнуть зазя.

– Ветер юго-восточный, – почему-то прошептала Саманта, хотя кто, кроме своих ее мог услышать? – То, что надо! Был бы у меня «мотик»[1 - «Мотик» – мотодельтаплан.] побольше – ушли бы сегодня.

– А куда вам торопиться? – спросил Сергеев. – Это мне торопиться надо. А вам то что? Не перейдете сегодня, перейдете завтра. Или послезавтра...

Размышляя трезво – лежать здесь и мерзнуть, разглядывая плотные, как пенопласт, сугробы, было совершенно незачем. Если на противоположном берегу их и ждали, то никак не дилетанты, а хорошо обученные ребята, умеющие замечать следы и вести скрытое наблюдение... Их не то, что в бинокль, на них пока не наступишь – не обнаружишь! Впрочем, если вспомнить о московском фиаско ротмистров Краснощекова и Шечкова, то есть некоторые сомнения в профессионализме нынешних конторских, но расслабляться, имея дело с его бывшими коллегами, Сергеев не посоветовал бы и врагу.

Интуиция настойчиво твердила ему, что засады тут нет, но Сергеев ей категорически не верил. Опыт мешал. Опыт говорил, что интуиция – штука классная до применения оппонентами некоторых технических средств, таких, как сенсор, инфракрасный датчик или датчик вибрации. После их срабатывания автоматические системы залпового огня, установленные вне пределов прямой видимости, за вот той дохлой рожицей, например, перекопали бы реактивными снарядами пару квадратных километров на метр в глубину. И недавний случай с подбитыми и оставленными охотниками в качестве приманки БМП, после которого они с Молчуном едва унесли ноги, был вполне показателен. Не расслабляйся. Будь всегда настороже. И, может быть, выживешь.

Одна радость – спутники сейчас были слепы и, если прогноз правильный, то ближайшие три дня наблюдения из космоса можно было не опасаться.

– Отходим, – приказал Сергеев. – Аккуратненько.

С пригорка они сползли задом и, лишь когда гребень снежного бархана прикрыл их от возможных наблюдателей, пригнувшись, перебежали до подступившего

вплотную к береговой линии подлеска.

Ожидавший окончания их вылазки в прикрытии Вадим основательно продрог. Вот уж кто умел маскироваться! Сергеев едва не наступил ему на руку, но вовремя отпрянул. Коммандос напоминал небольшой сугроб с проросшим из головы кустом. Карабин торчал вперед сломанной веткой.

– Как же я не люблю холод, – проскрипел Вадик, отряхиваясь. – Блин! Точно себе что-нибудь отморожу! В пустыню! В Палестину! Плевать куда – лишь бы было жарко! Ну, что, ребята?

– Пусто, – ответил Сергеев, приваливаясь спиной к сосне. – Но не факт, что там никого нет. Видно плохо, и я ничего не заметил.

– Так, может, сходу и рванем, если не видел? Чего менжеваться? – предложил Вадик и шмыгнул бледным, как свежеччищенная картофелина, носом. – Погрузим нашу Шехерезаду в хувер и напрямик, через реку. Я там ложбинку видел для подъезда – закачаешься! Чего ждать, Миш? Высадим его там – и обратно!

– Ага, классный план! – ухмыльнулась Саманта. – Люблю кавалерию! Сильно замерз, вояка? Но мозги хоть не пострадали? Или для гусара – мозги не главное! Да? Главное гусару что, Вадик? Главное гусару шпоры не обосрать! Герой, блин косой! Ты же у нас умный мужик! Какое «сходу»? На чем? На этом вашем драндулете? Самоубийство!

Она задумалась:

– Вот если перелететь...

– И перелететь самоубийство, – сказал Сергеев. – И не мечтай. Я никем из вас рисковать не буду. И Али Бабой тоже не буду. Все, заканчиваем болтать и в путь! Дома будем разбираться. И ты, Вадюша, не обижайся, Сэм права на сто процентов! Сходу здесь получится, только если нас не ждут. А мне кажется, что нас все-таки ждут... Вот только не знаю точно кто и где...

Они сноровисто надели лыжи и двинулись в глубину подлеска.

Тут снег был глубоким, но мягче, чем на берегу: ветер, запутавшись в молодых деревцах, не сумел утрамбовать его до пластмассовой твердости. То там, то здесь виднелись рыжие скелеты металлических конструкций, полусгнившие бочки, какие-то непонятные, давно утратившие формы обломки. Выглядывая из-под чистого снежного покрывала, все эти остатки прежней жизни выглядели совершенно фантазмагорически. Казалось, природа доедала их год за годом, чтобы окончательно растворить в себе, вернуть эти берега к первозданности, стереть саму память о тех, кто изуродовал склоны и поймы гранитными набережными и бетонными плотинами. Но не доела.

Те детали пейзажа, что в летние месяцы видом своим напоминали о свалке или гигантском мусорнике, раскинувшемся на сотни километров, зимой приобретали особый трагический оттенок. Здесь мертвое соприкасалось с вечностью, и под ее морозным дыханием становилось пугающе опрятным, словно чисто прибранный морг. Но Михаил знал, что с приходом весны флер опрятности спадет, мерзлая земля оттаает, станет жидкой хлюпающей грязью, начнет вонять болотом, химикатами и разложением. И расплодившиеся без меры лисы будут вновь бродить по берегам, и растаскивать по норам почерневшие от влаги и времени кости, огромные, словно говяжьи мослы, только что вырытые из скотомогильника. Памятника в очередной раз не получится – получится свалка, и природа, содрогаясь от запахов и брезгливости, будет ждать следующей зимы, чтобы снова попробовать все стерилизовать, а, значит – заморозить от горизонта от горизонта.

И следующей зимы.

И следующей.

Вот севернее, как раз куда и дул ветер, так приглянувшийся Саманте, там подпорная стена Киевского водохранилища действительно напоминала памятник и зимой и летом. Миллионы тонн вздыбленного бетона и искореженной арматуры, раскуроченные могучей рукой великана. Памятник Потопу – мечта сюрреалиста. И лежащий у его подножия мертвый город, на улицах которого до сих пор «фонит» окаменевший донный ил Киевского моря – память о Чернобыле года 1986-го.

А ведь тогда казалось, что ничего страшнее уже не будет. Что случившееся будет уроком на веки вечные! Но смогли-таки побороть страх! Осилили задачу! Смогли наплевать на все, матерые человечки!

Сергеев побывал возле подпорной стены в год Потопа.

Понять, что и как произошло, было сложно уже тогда. Вода уничтожила все следы, смыла все улики, если они были, оставив вместо них возможности строить предположения. Но если люди не верят очевидным фактам, кто поверит спорным предположениям?

Тогда был октябрь года Первого. Первого послепотопного года. Золотая осень. И севернее Вышгорода она была действительно золотой, как в прежние годы. А ниже...

Ниже на деревьях тоже были желтые листья. От Киева до Черкасс они желтели от остаточной радиации речного ила, от Черкасс до Запорожья – от химического поражения, ниже Запорожья – от химического поражения и радиации. Недавно накрытая Волной часть страны ворочалась в жидкой радиоактивной грязи, в мусоре и разложившихся телах, покрывалась нарывами и толстой земляной коркой. Рушились подмытые водой дома, горели обезлюдившие города, лилась кровь, и выжившие научились этого не замечать. Цивилизация сползала со стремительно дичающих людей, как кожа с обожженной руки – перчаткой.

Сергеев осмотрел разъятую подпорную стену со всей тщательностью, несмотря на изрядный риск. Над головой то и дело барражировали вертолеты, да и для снайпера он представлял превосходную мишень – муха, рассеяная на голой стене, муха, которую так легко прибить свернутой в трубочку газетой!

Спина была мокрой от постоянного чувства опасности, заполнившего всё пространство вокруг. Кругом была смерть. Она скрывалась в густых зарослях прибрежного камыша, рокотала в небе мощными турбинами, выцеливала любой живой объект с эффективных дистанций, излучала тяжелые частицы, парила токсичной химией, как парит на плите свежесваренная каша...

Смерть была средой обитания, здешней достопримечательностью номер раз. Это не утомляло, скорее, причиняло острое физическое неудобство – что-то вроде болезненного чирья вздувшегося между лопатками. Поэтому, закончив свое любительское расследование, Сергеев поспешно, с облегчением нырнул вниз, в мешанину изуродованных киевских улиц. В развалинах было жутко, но всё же не так страшно, как там, где проходил раздел между золотой осенью и мертвыми, сожженными листьями.

Он не рискнул бы дать показания в суде о природе катастрофы и вызвавших ее причинах (не специалист все-таки), но по результатам осмотра Михаил был уверен, что причиной обрушения были взрывы, и этих взрывов было как минимум два.

Если закрыть глаза, то можно было увидеть как...

... медленно вползает в камеру шлюза самоходная баржа. Закрываются массивные створы. За стеклами рубки никого не видно – в них отражается низкое солнце. Трюмы набиты сотнями биг-бэгов. А между ними – неверное пульсирующее свечение. Ждут сигнала приемные контуры взрывателей, подмигивают крошечные огоньки, словно в трюме переглядываются несколько десятков красноглазых крыс.

... коричневой гусеницей заползает на дамбу поезд, а в вагонах-коробочках, среди мешков с селитрой и гексагеном, малиновым светом мерцают светодиоды радиодетонаторов. Крысы, ждущие сигнала, чтобы впиться своими острыми, раскаленными зубами в бетонную плоть, армированную стальными костями, и разорвать ее на части.

Или там было что-то другое?

Может быть...

Вполне может быть...

Для определения типа использованной взрывчатки нужна, как минимум, экспресс-лаборатория, а у Сергеева не было ничего даже для того, чтобы взять пробы.

Возможно, что на месте катастрофы работали следственные комиссии. А возможно, и нет. Было ли у кого-нибудь желание устанавливать истину в самый страшный год, Первый год после Потопа? Но ведь журналисты тогда еще рыли носом землю. Тема была больной, свежей и каждая статья, если в ней присутствовали хоть какие-то факты, воспринималась, словно откровение.

Писали разное. Писали о плачевном состоянии плотин Днепровского каскада. О том, что, несмотря на неоднократные требования специалистов выделить деньги на ремонт, финансирование не велось, а там, где велось, денег ни на что другое, как на то, чтобы их украсть, не хватало! Говорили о низком качестве бетонов, о старении арматурного каркаса и нерасчетных нагрузках, возникших от движения транспорта. Рассматривали сейсмическую теорию, теорию просадок нижних слоев грунта, теорию образования каверн, но никто – как по сговору – не упоминал о возможности террористического акта.

Ни те, кто оказался по правую сторону Днепра.

Ни те, которые стали хозяевами на левой.

Сергеев же всегда начинал расследование с той версии, которую отвергали заинтересованные стороны. Но его мнением уж точно никто не интересовался. Сама мысль о том, что такое несчастье может быть не результатом халатности, а результатом целенаправленной деятельности рук человеческих, вызвала у 90 % журналистов отторжение, что наводило Сергеева на мысль о том, что человечество, сколько его не бей, от глобального идеализма не избавится. Оставшиеся 10 % реалистов опубликовать свои статьи в свободной прессе не смогли. Пресса не была настолько свободна, и, возможно, (хотя Сергеев начал это понимать только после многих лет жизни на Ничьей Земле) решение тайных цензоров было правильным. Умножая познания свои, ты умножаешь скорбь свою.[2 - Сергеев перефразирует знаменитую цитату царя Соломона: «Во много мудрости есть много печали, и, умножая знания, ты умножаешь скорбь».]

И вот, спустя годы на этом месте остался только мусор, выглядывающий из-под снега. Ни очевидцев. Ни тех, кто захочет докопаться до причин произошедшего. Никого.

И ведь все попытались объяснить, оставаясь в привычных рамках – и грохот, и взрывную волну! И объяснили все головотяпством и стечением обстоятельств, потому, что люди с охотой верят во все, что укладывается в простую картину мира, и не хотят верить в то, что может сделать их жизнь менее удобной.

Даже Сергееву иногда хотелось думать, что он ошибался. Очень хотелось. Но, почему-то, ни забыть, ни убедить себя в том, что тогда, на дамбе, похозяйничала роковая случайность, не получалось. Потому что он знал.

Знал наверняка.

Они возвращались к кибуцу по собственным следам, и «бить» лыжню не было необходимости. Сергеев стал первым в их короткой колонне, чуть опустил голову, пряча лицо от холода под краем капюшона, и побежал легко и размашисто, подставив спину такому удобному для полетов северо-восточному ветру. Саманта скользила по лыжне прямо за ним, а обиженный на нее за «гусара и шпоры» Вадим замыкал отряд, недовольно посапывая.

За подлеском открылся неширокий луг, белый и гладкий, как льдина – их полузанесённые метелью следы рассекали его надвое и ныряли в лес – в настоящий лес, густой и мрачный, с буреломами и затаившейся в кустах цепкой снежной мглой. Темп бега тут же упал, но, к счастью, цель перебежки уже была близка.

Змеящаяся между деревьев тропа вывела троицу к узкой, как лесной ручей, дороге на которой, фыркая паром, стояла низкорослая, мохнатая лошадка, запряженная в самодельные сани, больше напоминающие волокушу. В санях, на лапах ельника, завернувшись в мохнатую подстилку, дремал возница – тот самый крепыш Алеша, с которым Вадик ругался у ворот в день приезда в кибуц. Правда, к моменту, когда лыжники вышли к саням, он уже не дремал, а бдел, как полагается дозорному, (видать слух у парня был достойным!) сидя, с короткоствольным АКСом в руках. Но Сергеева было не обмануть – физиономия у вояки выглядела слегка помятой и заспанной. Мальчишку элементарно сморило в тепле. Он смешно хлопал глазами, крутил головой, бросился помочь Саманте уложить лыжи, после чего та окинула его доброжелательно-насмешливым взглядом, но лыжи так и не доверила.

А потом лошадка неторопливо потрусилась вперед, волоча сани по хрусткому снегу и упрямо бодая лбом усиливающуюся вьюгу.

– Завтра я буду уходить, – сообщил спутникам Сергеев, устраиваясь поудобнее. – В любом случае пойду. Ждать больше нельзя – просто нет времени. Мы вместе подготовим план переброски, а все остальное вы можете сделать и без меня. След остывает. Еще пару дней бездействия – и я не найду Молчуна никогда, даже с подсказками Али-Бабы.

Саманта посмотрела на него из-под воротника, которым прикрывала лицо. Так смотрит на непутевого сына заботливая мать – с сочувствием и поддержкой.

– Понимаю. Ты не волнуйся, Миша, я твоего араба на ту сторону доставлю. Если погода будет, то быстро доставлю, курьерской почтой...

– А если не будет погоды? – осведомился Вадим. – Если снег зарядит на этот недельку? Или на две? Как позапрошлой зимой, когда мело 23 дня? Не, ребята, это не по мне – сидеть и ждать у моря погоды! Действовать надо! Действовать! У меня есть реальный план...

– Ты опять хочешь попытаться прорваться? – перебил его Михаил. – Вадик, друг мой! Пойми – это не войсковая операция и не партизанская война. Никто и ни с кем не должен вступать в бой. Нам надо просто переправить Али-Бабу на ту сторону живым. Не устраивать шум, чтобы к месту переброски стянули все войска с округи, не устраивать бойню, а по возможности, тихо и скрытно, доставить его в оговоренное безопасное место и передать встречающим. Не высаживать на том берегу, где попало, а именно передать, да еще и так, чтобы он мог спокойно покинуть приграничную Зону. Я верю, что ты прорвешься, но, пойми, этого от нас не требуется. Поэтому, прошу, слушайся Саманту. Просачиваться куда-то – это ее конек. Сэм, – позвал он. – А что если погоды действительно не будет? Что тогда?

Саманта пожала плечами.

– Я, в общем-то, на погоду и не очень рассчитываю, Миша. Погода, конечно, штука важная, но настоящие орлы летают в любую погоду.

Она улыбнулась, с гордостью вскинув крупный, словно вышедший из-под рук римского скульптора, подбородок.

– Действительно, похоже, что зарядило минимум на пару дней, а у нас такого времени нет, поэтому решение просится само собой. Только учти, совсем скрытно переброситься не выйдет. Летом на планере еще можно было бы попробовать. Или на крыле, но без мотора. А сейчас зима, мать бы ее так, матушка! Но, я думаю, что сильно шуметь мы не станем, если не нарвемся на стрельбу... Если Бог даст, конечно...

Она вздохнула и укуталась белым, легким облаком, тут же упавшим вниз, на воротник.

– Тут дело такое дело, ребята: есть у меня еще один самолет, вдобавок к новому, угнанному... Условный, правда, самолет. Что-то типа конструктора из мелких деталей... – она хмыкнула. – Но тут уж не обессудьте, выбирать особо не из чего. Мы его собрали из того, что осталось после... Ну, ты помнишь, что случилось весной... Когда у нас за неделю сбили два самолета. Ребята три дня назад еще возились с отладкой мотора, а перед самым отлетом я не заглядывала в ангар, но, в целом – машинка уже была почти в порядке. Во вторник они собирались её испытывать, а сейчас у нас среда. Думаю – результат есть. Этой машиной я готова рискнуть. Новым самолетом рисковать не могу, прости, он нам позарез нужен для грузовых рейсов, а этот – дам. Может быть, сама и слетаю, для верности! Так что, Вадик, если у тебя есть горячее желание проехаться на вашем «бублике», то можем смотаться ко мне в Промежуточный лагерь. Оттуда свяжемся по спутнику с Гнездом, я договорюсь с летунами... Одно но... При такой видимости сажать машину надо будет по маякам. Если район под наблюдением, то они для спутниковой разведки, как костры ночью. Не дай Бог эта зона у них на карандаше: по таким реперам, как жажнут ракетами – костей не соберем.

– Чего зря мотаться в Промежуточный лагерь? Близкий свет, что ли? – спросил все еще обиженный Вадим. – У Сорвиголовы тоже «спутник» есть...

– С защищенной линией? – улыбнулась Саманта. – С отдельным кодированным каналом? Наш Игорь в Москве сейчас такая шишка, что пробу некуда ставить. У него, Вадик, большой бизнес – и ты об этом знаешь! Наркотики, оружие, люди – все через него: что в Зону, что из Зоны. Мы, Вампиры, конечно, вне закона, только вне какого закона? Кем этот закон писан? И где? И для кого? Официально, как организации, нас нет. На нас ракеты наводить не будут, можешь мне на слово поверить. Кто же режет курицу, которая несет золотые яйца?

– Но вас же сбивают? – искренне удивился Вадим. – Весной, вот, ты сама говорила... И во время танковой атаки! Да я сам видел, как патрули твоих ребят вешали! Сам их потом со столбов снимал!

– Тут ты прав – это летать нам можно, а вот попадаться нельзя – это смерть! – сказала Саманта жестко. – Правила такие. По сути, нас не трогают, потому что

сотни чиновников каждый месяц получают от Игоря конверты с деньгами, и это не только наш, но и их бизнес. А вот в частности... В частности мы, для всех сторон конфликта, такие же бандиты, как и те выродки, что насилуют и грабят на дорогах Зоны. И если вертолетное боевое звено видит перед собой цель...

Глаза у Сэм стали холодными, как мельтешащие вокруг снежинки.

Чувствовалось, что она заставляет себя говорить через силу. Тема была – табу, и Сергеев знал, что Саманта говорит искренне лишь под влиянием момента, а, значит, скорее всего, в первый и последний раз.

– Дорогие грузы идут через кордоны зеленым коридором. А то, в чем наши дольщики не заинтересованы – уже наш риск. Они – чиновники и дорожат своим местом. Мы платим им не для того, чтобы они нарушали закон, а для того, чтобы закон для них могли нарушить мы. Так что – все честно. Ты у Миши бы спросил, как обстоят дела, святая наивность. Он тебе много чего порассказать может: и про Героиновый Тракт, и про Плантации, и про то, сколько стоят караваны, которые идут на Восток и на Запад. С тех пор, как в России утвердили смертную казнь за торговлю наркотой, канал работает, как часы. Риск – это всего лишь высокие цены. А что? Заводы на Ничьей Земле – это же так удобно! Кто станет искать завод в Диком Поле, например? А возить продукцию совсем недалеко! Это же не просто большие деньги, ребята. Это деньги огромные! За такие деньжищи душу продают без размышлений! Игорек, вот, как стал пенсионером, от щедрот мне долю увеличил, чтобы не так обидно было по Зоне шариться, пока он на кремлевских раутах звездами на мундире звенит. Так что я теперь женщина очень состоятельная. Можно сказать – невеста с богатым приданым. Это я для тебя говорю, учти, Сергеев... Но за эти деньги, – она глубоко вдохнула морозный воздух и снова шумно выпустила его наружу, но уже не облачком, а клубящейся, дымной струей, и голос ее дрогнул. – За эти сраные деньги я хороню своих ребят. Я посылаю их на смерть. За эти деньги я убеждаю их, что они, блядь, Робин Гуды, а не мои с Игорешкой наемники, отрабатывающие каждую вложенную в них копейку своей кровью... И что делают они общее благородное дело, а недохнут за наш с ним бизнес...

Она внезапно замолчала. Вадим посмотрел на Сергеева, потом перевел взгляд на Саманту и только покачал головой.

Лошадка продолжала свой неторопливый бег по лесной дороге. Ветви, нависающие над санями, роняли вниз снежные хлопья, и вьюга подхватывала их на лету, дробила и весело швыряла вверх мелкой пылью. Скрип снега под

полозьями заглушал глухой стук широких копыт.

* * *

Левин решению Сергеева не удивился, только плечами пожал.

- Что тебе для этого нужно?

- От тебя? Практически ничего. Я поговорю с Али-Бабой и могу трогаться в путь.

- Снаряжение? Патроны?

- Не откажусь, конечно. Сколько не жалко – дай. Хотел я для Равви оставить хувер, чтобы твои ребята его перегнали, как время найдется, но, прости, наверно не смогу. Поеду на нем...

- Правильное решение, – одобрил Лев Андреевич. – Не танк, конечно, но все-таки... А вот как ты в такую завихруху дорогу найдешь – не понимаю. Миша, я вот что тебе скажу...

Он замялся.

- Про наш разговор... Ты, в общем, кругом прав был, тут и спорить нечего, но у нас здесь свои порядки. И то, что хорошо для всего света, необязательно хорошо для нас. Согласен?

Теперь пожал плечами Сергеев.

- Тебе виднее.

- Думаешь, что я не прав?

- Время покажет, Лева. Думаю, что не прав. Потому, что ты Лев!

Левин невольно не смог сдержать улыбку.

– Я подумаю над тем, что ты посоветовал...

– Ты уже подумал, – сказал Сергеев спокойно. – И оставишь все, как есть. Это твой выбор, Лев Андреевич. Твоя позиция. И нечего пришлому мародеру лезть в чужой монастырь со своими правилами. Ты не возражай, я же знаю, о чем говорю. Кто я и кто ты? Я никто, а ты... Ты взял на себя ответственность за людей. Это поступок, друг мой, а умение совершать поступки дает нам право совершать ошибки. И делать это с уверенностью в собственной непогрешимости. Решить неправильно иногда лучше, чем вообще не решить. У тебя именно тот случай. Делай, что должно. Все, закрыли тему. Ладно?

Левин помолчал, пожевал губами, поднял на гостя свои темные, блестящие глаза и кивнул.

– Ладно. Людей дать?

– Со мной пойдет Вадим.

– Миша, ты же не на парад едешь!

– А я не пока знаю, куда еду... Вот поговорю с Али-Бабой – и узнаю... Может быть...

– А ты со мной поговори, – предложил Лев Андреевич. – Может, и я на что сгожусь! Я знаю, ты гордый, ты моими ребятами рисковать не захочешь, но сам посуди, разве ты, когда сюда ехал, представлял себе, что решать придется совсем не те задачи, что планировал? Ты хоть представляешь себе, куда собираешься соваться?

– Если честно – нет! – ответил Сергеев. – Не представляю. Пока не представляю. Давай спросим вместе. И если тебе будет что после этого добавить – будет просто здорово.

Когда Сергеев с Левиным вошли в комнату, где лежал раненый, мимо них прошмыгнула довольно юная барышня с облупленной эмалированной миской в руках. Из-под темной косынки выбивались ярко рыжие кудри и, словно отблески от них, разбегались по бледной коже пятнышки веснушек. Глаза у барышни

были блестящие, влажные, невероятного по насыщенности зеленого цвета, от одного взгляда в которые хотелось улыбнуться.

В миске горкой лежали бинты, явно неоднократно стиранные, ветхие, но довольно чистые, не испускающие вони гниющей плоти и присохшей сукровицы. Проскальзывая в двери, зеленоглазка повернулась к входящим правой щекой, и перед Михаилом мелькнула обезображенная лиловыми шнурами ожоговых шрамов кожа, сползающая от виска вниз, куда-то за растянутый ворот старенького свитера.

Али-Бабу только что перевязали, и он лежал на кровати, поставленной напротив окна, откинувшись, с подушками под спиной, измученный процедурой, но совсем не такой бледный, как двое суток назад. Недельная щетина, заострившиеся черты лица и взгляд с поволокой наделял его болезненной привлекательностью, и стало понятно, что не зря юная сестрица, выбегая из комнаты, косила на него глазом и розовела, как семиклассница на первом свидании.

Сергеев добродушно хмыкнул про себя.

«Жизнь продолжается».

На вошедших араб смотрел словно хозяин, в квартиру которого пришли знакомые, но все же незваные гости, без страха и без любопытства. Чего, собственно, ему было бояться? Сергеев и сам поймал себя на том, что глядит на Али-Бабу как на боевого товарища, с которым только что вместе вышел из окружения. В этом не было логики. Араб не был другом – он был временным соратником, попутчиком, как некогда говорил Хасан, все обязательства перед которым заканчивались вместе с окончанием договоренности. Но Михаил чувствовал, что внутренне его отношение к Али-Бабе изменилось в лучшую сторону, и поделаться с этим ничего нельзя, несмотря на всю нелогичность и небезопасность такой перемены.

Так же когда-то получилось и с Аль-Фахри.

Во время африканского рейда они прикрывали друг другу спину вплоть до самой последней минуты. До той самой минуты, когда стало ясно, что пути их окончательно и бесповоротно расходятся, и осталось только выяснить, кто из них умрет первым или отступит. Никто не захотел отступить. И, как выяснилось

теперь, ни один из них не умер.

Сегодня та давняя схватка продолжалась, только теперь она не была очной. Впрочем, это ещё как сказать...

За спиной Али-Бабы стоял никто иной, как Хасан Аль-Фахри, по прозвищу Нукер, выживший после того, как сухогруз «Тень Земли» со своим смертоносным грузом обрел вечный покой неподалеку от берегов Африки, и это придавало ситуации совершенно другое звучание. Словом, продолжалась начатая некогда, да так и не доигранная шахматная партия. Нукер был врагом. Настоящим врагом – сильным, опасным, непредсказуемым. Врагом, которого не стыдно было бы назвать другом, сложились обстоятельства по-другому. Но обстоятельства всегда складывались так, что на всей Земле смельчаки лишали жизни себе подобных по указанию людей лишенных смелости, благородства, совести, милосердия – практически всего, что делает человека человеком – но зато наделенных глобальным видением проблем и чудовищной безжалостностью в методах их решения.

Для стратегов человеческая жизнь всегда была ничем, именно поэтому они выбивались в стратеги.

– Как ты? – спросил Сергеев по-русски, присаживаясь на самодельный табурет у кровати. Левин кивнул Али-Бабе, уселся на подоконник и сделал вид, что пока разговор его не касается.

– Бывало лучше, – отозвался араб по-английски. – Пока что чувствую себя так, будто меня жевали... Но через пару дней буду на ногах. Я уверен.

Он изо всех сил старался показать, что почти поправился, что уже сейчас он готов стать в строй, а все происходящее его не волнует, потому что заранее спрогнозировано, но было очевидно, что это не так.

– Что с моей переброской?

– Мы пока осматриваемся, – уклончиво ответил Михаил. – Я не уверен, что тебя не встречают наши общие друзья, особенно после того, как в день randevu кто-то перепахал из «Града» десяток кварталов в Киеве.

- Истомин? – спросил или, вернее, констатировал Али-Баба.

Сергеев пожал плечами.

- Тебе не следовало сбрасывать его со счетов... Неужели, ты думал, что сможешь безнаказанно использовать чиновника его калибра, а потом просто так выбросить на помойку? Поверь, он совсем не такой человек...

- А какой он человек? – осведомился Али-Баба с сарказмом. – Добрый? Преданный? Бескорыстный? Знаешь, я не задумывался, какой он человек... Он продавался – я купил. Мое дело было платить деньги, и я платил исправно. Одно теперь могу сказать наверняка – он человек богатый!

- Только благодаря тебе? – спросил Сергеев насмешливо.

- И мне в том числе...

За спиной Михаила достаточно громко и выразительно хмыкнул Левин.

- Каждый из вас думал, что водит другого на поводке. Только Истомин изначально сильнее тебя. Опытней. И аппарат, стоящий за ним, такой, что тебе и во сне не приснится...

Али-Баба ухмыльнулся.

- Знаешь, Сергеев, самый мощный – далеко не всегда самый опасный. Времена, когда друг друга пугали танковыми армиями, закончились еще в начале века, а твои друзья все еще думают, что страшнее их нет на свете! Да сейчас хрупкая девушка с несколькими пробирками в сумочке может убить людей больше, чем бомба в Нагасаки...

- А в пробирках у нее будет...

- Да какая разница, что там будет? – перебил Али-Баба, сверкнув глазами исподлобья. – Вирус? Бериллий? Или полоний? Или все это вместе, заряженное пластидом? Мы оба знаем, о чем я говорю. Система в наши дни не значит ничего. Несколько человек, вооруженных идеей и отвагой, могут изменить лицо мира...

– Ну, да... Исключительно идеей и отвагой! – негромко сказал по-английски Левин за спиной Михаила. – Идеей, техническими знаниями, немаленькими деньгами... Неужели мы так похожи на дилетантов? Сам веришь в то, что мы согласимся с твоей логикой? Ты, конечно, прав, парень, прав в том, что сейчас два человека могут уничтожить город, но случится это вовсе не потому, что они бескорыстно сражаются за идею. Вернее – они, конечно, могут так думать, но за любым действием всегда стоят те, кто в нем заинтересован, те, кто за это платит. Идея здесь совершенно ни при чем. Средства изменились, а вот цели... Цели – нет! За всем и всегда стоит система. Та система, которая по твоему мнению ничего не стоит. Только здесь, у нас – системы нет. Мы ничьи и на ничьей земле.

– Неужели? – осведомился араб и даже попытался привстать, чтобы встретиться с Львом Андреевичем глазами, но без особого успеха. – Ничьи? Вот так вот сразу – совсем ничьи? А, может быть, вы общие? Может, так правильнее? Вы все еще думаете, что существуете, потому, что организовали здесь некое подобие нормальной жизни? А я думаю, что вы все еще живы потому, что удобны всем сторонам. Потому, что здесь, в вашей Зоне, только одно имеет значение – эти две трубы, – он ткнул рукой куда-то в сторону двери, на север, – а все остальное – просто полоса отчуждения, за которой зажавшаяся Европа прячется от новой Империи. Это пока вы были страной, вы были для всех неудобны, а как территории устраиваете соседей на сто процентов. Вы рассадник выгодного всем зла! Этакий оффшор беззакония: все, что нельзя делать у себя на земле, делают у вас. Вы и тюрьма, и фабрика по производству героина, и могильник для отходов. Выгребная яма для окружения! Чем вы гордитесь? Тем, что бегаєте по зараженным лесам, дохнете от постоянно мутирующих вирусов, от холода, от солнечной радиации, друг от друга и при этом кричите, что вы свободны? И кому нужна эта ваша свобода? Такая вот свобода сдохнуть, как бродячая собака? Вы ничего никогда не постройте, не потому, что не умеете, а потому, что здесь построить ничего нельзя. Это пепелище, и здесь не место живым людям! Ну, объясните, объясните мне, наконец-то, что вас двоих здесь держит!? Вы же не овцы оба, чтобы тихо пастись в загоне, вы пастухи! Что для вас колючка? Ничего! Шаг – и вы на свободе...

Сергеев молчал, глядя на Али-Бабу, и выражение лица Михаила сложно было назвать дружелюбным.

Араб запнулся об его взгляд и тоже замолчал, только дышал учащенно, откинувшись на подушки.

– Ну, чего же, ты, в принципе, правильно во всем разобрался, – сказал Левин, прерывая тяжелую, как свинцовая болванка, паузу. – Вполне резонный вопрос. Я и сам себе его иногда задаю...

Он привстал, открыл форточку, впустив в комнату холодный воздух, и тут же запах зимней свежести перебил оставшийся после перевязки лекарственный душок.

– Я закурю, – предупредил Левин и зажег сигарету. – И каждый раз, когда я задаю себе этот вопрос, я не нахожу на него ответа.

Он выдохнул дым наружу и снова повернулся к раненому.

– Ты прав, никто не должен жить на пепелище, но что поделаться с теми, кто все-таки здесь живёт? Списать со счетов? Так нас давно списали, но что изменилось? Мы перестали быть? Нет, мы по-прежнему здесь. И чем хуже идут дела, тем сильнее мы становимся. Мы отказались покинуть эту землю. Каждый по своим причинам, и эти причины иногда трудно сформулировать. Но назвать тебе свои я попробую. В России мне место было, а в Российской Империи не нашлось – ну, не складываются у меня отношения с новыми хозяевами. Я изгой и на Западе, потому что националисты-конфедераты ничем не лучше националистов с Востока – и у каждой стороны ко мне свой счет. Весь мир давно поделен, Али, и как бы вы не старались выгрызть для себя кусочек, вам вряд ли это позволят, потому что для того, чтобы дать вам, нужно у кого-то отобрать, а это с каждым годом все труднее и труднее. А нам наш мир отдали даром, за ненужностью. Швырнули в морду – нате, пользуйтесь! Пусть грязный, загаженный, опасный, но наш! Щедрый подарок, поверь, я говорю без иронии. Шанс построить что-то свое даже в таком кошмаре – бесценен, хоть ты и говоришь, что, это невозможно, я все-таки попробую. А если сдохну – значит, сдохну, но свободным, на своей земле, и так и не приучившись лизать ничью жопу...

– Если я выберусь отсюда, – сказал араб уже спокойно, – то буду самым счастливым человеком на Земле. Я знал, за что рискую, но не знал – как... Вы ненормальные. Были бы вы фанатиками, я бы еще понял, но вы же трезво оцениваете свои шансы. Знаешь, Сергеев, мне доводилось выживать там, где выжить было трудно, почти невозможно. Но жить, так как вы, постоянно жить в таком ужасе, я бы никогда не смог. Если ты выполнишь договоренности...

– Вот об этом давай и поговорим, – перебил его Михаил. – О наших договоренностях. Расскажи-ка мне про Школу...

Али-Баба стрельнул в его сторону глазами, сморщил нос от боли, пытаясь изменить позу, все-таки привстал, преодолевая собственное бессилие, устроился поудобнее, и лишь потом кивнул:

– Спрашивай. Только учти, я могу многого не знать.

– Расскажи то, что знаешь. Когда ты впервые услышал о Школе?

– Первое предложение я получил около года назад. В Москве...

– Кто-то из людей Истомина? – спросил Сергеев.

Он не хотел слышать положительный ответ, но был к нему готов. К счастью, араб покачал головой:

– Нет. Тогда – нет. Так получилось, что со мной захотели поговорить посредники – прибалты. В прошлом мы неоднократно с ними работали. Хорошие сделки по стрелковому оружию. Несколько раз взрывчатка.

– Я их знаю? – спросил Сергеев.

– Сомнительно. Они появились лет пять-семь назад, во время войны в Марокко. Мы поставляли оружие для повстанцев, но, как понимаешь, тогда действовало не эмбарго, а банальная блокада. И мы поставляли туда железо не столько для прибыли, сколько во славу Аллаха...

– Перевожу, – пояснил Сергеев, обращаясь к Левину. – Из трех транспортов – два перехватывали войска альянса. Каждый караван, дошедший до точки назначения, оплачивался в двойном размере Аль-Каидой. Но все делалось исключительно во славу Аллаха! И так до тех пор, пока среди повстанцев оставались способные держать оружие... И платить.

– Там до сих пор есть, кому держать в руках оружие, – Али-Баба приподнял бровь и дернул верхней губой, как рыкнувший пес. – И всегда будет кому. До той поры, пока Марокко не станет настоящей мусульманской страной.

– Как по мне, так на здоровье... У нас здесь своих забот хватает, так что на судьбы мира и все эти ваши освободительные движения мне свысока насрать! – отрезал Сергеев. – Можете хоть утопиться всей компанией! Что предложили тебе прибалты?

– Они предложили мне боевую группу, на пробу... Десятку, как они называли. Подготовленных для ведения диверсионной работы бойцов...

– Для диверсионной работы где? – спросил Левин. – Не понял?

– В любом месте, – ответил араб. – Я тоже удивился. Язык, знание обстановки – все это за минуту не приобретешь, но посредники объяснили, что язык не проблема – надо всего пару недель, и в пределах офицерского разговорника группа будет общаться с окружающими безо всякого труда. Я ответил, что особого интереса нет, хотя заинтересовался, особенно, когда услышал, что группу готовят нейропрограммисты...

– Нейропрограммисты? – переспросил Левин и посмотрел на Сергеева. – Тогда ничего не понятно. Нейропрограммист – это не ассенизатор. Специальность редкая, не то слово! Это что такое ваша Школа? Военный проект? Мне говорили о Капище, рассказывали разную херню, но я полагал, что свои сказки и мифы есть у каждого сообщества, а там очередное гнездо фанатиков, не больше. Тут, на Севере, сект – как собак нерезаных! Вот недавно приходил к нам соседка, его дружки себя «иоановцами» называют, все ждут коня бледного... Живут в скиту, собирают колоски по заброшенным полям, мрут как мухи и молятся о прощении... Но они безобидные! А есть и другие... Вот, Капище, например... Ты же слышал про идолов с вымазанными кровью губами, про жертвоприношения?

– Слышал, конечно, – подтвердил Сергеев, – но я с этими детками сталкивался несколько раз за последний год и могу сказать, что слухи – это только слухи. Жертвоприношения, наверное, есть, только это не секта. Кто-то усиленно пытается задвинуть нам это махровое вранье. Бредятину. Ты уж поверь, Лева, там верования ни при чем, а все языческие фокусы с жертвоприношениями, идолами и плясками на Ивана Купалу, не более чем пыль в глаза. Речь идет о

вещах более банальных, к мистике никакого отношения не имеющих: о новых методиках воздействия на психику, перепрограммировании сознания, замещении личности – о чем угодно речь идет, но только не о языческой религии... Погоди чуток, я расскажу позже.

Он повернулся к Али-Бабе.

– Продолжай.

– Цена за группу была высокая, но она и в сравнение не шла с той суммой, которую просили за методу в целом.

– Тебе предложили саму технологию? – спросил Сергеев с недоверием.

Али-Баба кивнул.

– Что именно входило в пакет?

– Медикаменты, медик, инструктор...

– Они брались подготовить ваших спецов?

– Да. И передать технологию. Вся технологию – кроме состава медикаментов. Медикаменты они хотели продавать постоянно.

– А как передать спецов по нейропрограммированию?

– Видеозаписи. Любой язык. Любая программа. После серии уколов уже без разницы, что с тобой работает не живой человек, а записанное видео. Во всяком случае, мне так сказали...

Али-Баба невесело усмехнулся.

– Я всегда считал это сказками, Сергеев, – сказал он негромко. – Я не поверил.

– Напрасно, – произнес Михаил задумчиво и, поднявшись, стал у окна с сигаретой в руках. – Но, как я понимаю, тебя убедили?

Араб неловко попытался пожать плечами.

– Эти ребята явно искали рынок сбыта и были готовы на многое, чтобы его заполучить.

– Они предложили тебе съездить в Школу?

– Нет, этого они мне не предлагали. Это предложил мне Истомин.

Сергеев стоял к нему спиной, и поэтому Али-Баба не видел, как Михаил медленно, словно закаменев лицом, закрыл глаза и так же медленно, как в полусне, их открыл. Потом щелкнул зажигалкой и окутался облаком табачного дыма, который тут же потянуло в приоткрытую форточку. Дым не был ароматным. Он пах лежалым табаком и горечью.

– Они отвели тебя к Истомину?

Вопрос был задан для проформы. Сергеев прекрасно понимал, что после того, как прибалты вышли за рамки своей компетенции, за дело принялся Костя Истомин. Даже работая столько лет с Али-Бабой, Костя не мог позволить себе сразу засветиться с таким проектом. Одно дело «работать» террориста и совершенно другое – обозначить себя перед ним, как продавца живых роботов, созданных для диверсий и убийства.

– Ну, что ты? – удивился араб. – Конечно, нет. Не думаю, чтобы они были знакомы с Константином. Он сам заговорил со мной об этом во время одной из встреч. Кстати, это было за полгода до того, как я познакомился с тобой.

– В жизни не чувствовал себя таким идиотом, – сказал в сердцах Левин. – Миша, ты хоть объясни о чем речь идет? А то не усну ведь...

– Один из моих бывших коллег предлагал нашему гостю купить производство смертников, – произнес Сергеев не оборачиваясь. – Очень интересная штука, Лева. Берешь человека, пичкаешь его коктейлем из спецпрепаратов,

подвергаешь процедуре усложненного нейролингвистического программирования и получаешь орудие убийства с интеллектом. Особенно хорошо получается работать с детьми. С детьми и подростками...

Он выбросил окурок в форточку и повернулся к Левину лицом. Льву Андреевичу показалось, что Сергеев старше его не на пятнадцать лет, а на все тридцать, так отяжелело и осунулось его лицо за последние несколько минут.

– Понимаешь, Лёва, у детей и подростков нестабилизированный гормональный фон, – пояснил Михаил ровным, почти безжизненным тоном. – Его очень просто сдвинуть в нужную сторону. И внушаемость у них повышенная. Меньше затраты, меньше времени нужно для получения результата. На очищенную матрицу нанести задание может гипнотизер средней руки, потом в сознание имплантируют легенду, язык, нужные для исполнения задания знания и новой серией «химии» закрепляют все это на длительное время. Сделать подобное с человеком можно только один раз. И сработать такая система может один раз – при повторном использовании в 90 % случаев – инфаркт мозга. Остальные 10 % после перепрограммирования могут засбоить в любой момент. Так что они одноразовые, как гондоны. Использовали, и даже выбрасывать не приходится – исполнивший задание объект превращается в растение и умирает. Он никому не нужен и никаких сведений от него не получить. Кора мозга пуста, воспоминания стерты. Но до того его выявить очень трудно. Почти невозможно. Поставленный на боевой взвод объект идет на все четыре стороны, сам не подозревая, куда и зачем идет, живет себе, как и где хочет, пока не услышит «пусковое» словосочетание. И тогда он сделает то, что прописано в подсознании: обвяжется взрывчаткой и подорвет себя в толпе, направит самолет на небоскреб, разрядит револьвер в соседа за ресторанным столиком, задушит собственную жену, с которой прожил десяток лет. Допрашивать его до того, как не сработает «пусковик», совершенно бессмысленно, он ничего не знает и выдержит любые пытки или детектор лжи. А вот при попытке вторжения в сознание с помощью любой из продвинутых технологий произойдет «самоподрыв». Объект либо самоуничтожится физически, либо сбрендит «в ноль», до полного стирания сознания. И все.

– Ты откуда об этом знал? – спросил Левин, глядя на Сергеева исподлобья.

– От верблюда! – огрызнулся тот зло. – Этими фокусами занимались давным-давно! И не только моя контора, других людоедов тоже хватало. Но одно дело – заниматься такими экспериментами в чуточку цивилизованной стране, где с

материалом – беда, и совсем другое, когда для опытов ты можешь использовать сотни человек – детей, женщин, мужчин! А ведь тут, Лева, у нас – живого материала – хоть завались!

– Ага! Разогнался! – возразил Левин. – Чего у нас хоть завались? Детей? Да у нас их раз-два и обчелся! С рождаемостью проблемы, ты сам знаешь. Смертность среди подростков процентов пятьдесят!

– Сколько «столыпинских»[3 - «Столыпинский вагон» – спецвагон, использовавшийся в царской России, СССР и постсоветских государствах для перевозки заключенных на большие расстояния по ЖД.] с «асоциальным элементом» заходят на Перевалку? – спросил Сергеев. – Пять? Шесть в неделю? Больше? Сколько беспризорных в Пограничье? А в России? Таких, с которыми никакой Макаренко возиться не станет? Оторванных, потерянных? Много?

– Не знаю... – протянул Левин, уловивший мысль собеседника.

– Ну, сотни три-четыре наскрести можно?

– Ты хочешь сказать, – вмешался Али-Баба, внимательно следивший за разговором, несмотря на то, что Левин с Сергеевым говорили на русском. – Ты хочешь сказать, что живой материал завозят извне?

– Именно. Их завозят оттуда, отлавливают здесь ... Речь идет о конвейере. Пока что он низкопроизводительный, но при наличии заказа... Такие вот боевые десятки из заранее обработанных химией человеческих «заготовок» можно выпускать по нескольку в день. Их постоянно испытывают для усовершенствования технологий. Если раньше от них за версту несло гормонами, то сейчас посторонних запахов нет. Убрали идентификационные татуировки. Научили инициировать тех, с кем они вступают в контакт, и неплохо научили. Гипноз, феромоновая атака, примитивное, но действенное НЛП[4 - НЛП – нейролингвистическое программирование.] – каждый из них еще и детонатор, способный «раскачать» любую из наших колоний. Еще годик – и никаких внешних признаков не будет вообще! Пусть такая школа будет выпускать триста-четыреста человек в год – обученных, натренированных и практически неотличимых на общем фоне. Нынешний разгул терроризма покажется нам детской игрой. А ведь они еще собираются продавать методику...

– Если бы все это не было так похоже на правду, то я бы назвал твои слова бредом. Все бывшие спецслужбисты с возрастом становятся параноиками.

– Я не параноик...

– Я заметил, – сказал Левин невесело. – И ты думаешь, что Молчуна увезли туда?

– Думаю – да. Он для них немного староват, но вполне еще пригоден. Они... – Сергеев запнулся. – В противном случае... Им просто незачем было оставлять его в живых. Кому нужны пленные? Зачем? Но та группа забрала его с собой. Думаю, что если бы мы с Вадимом смогли осмотреть тела в кинозале Бутылочного горла... Похоже, что они брали в плен молодых. Остальных просто убивали.

– Почему ты считаешь, что это была та же банда?

Михаил пожал плечами.

– Если бы это был кто-то из обычных бандитов, то их цель – прежде всего – ресурсы. Оружие, предметы быта, еда. Ты сам знаешь, как выглядят разграбленные ими колонии – спичек не сыщешь. А те, кто куражился в Горле, были шикарно вооружены. Гранатометы, «шмель», да и патронов они не считали. И они не грабили. Не было видно следов грабежа, был штурм, но они не грабили.

– Истомин не говорил мне, где расположена Школа, – произнес Али-Баба негромко. На его лице, обычно спокойном и мало выражающем, отображалась явственно внутренняя борьба. Потом он посмотрел на Сергеева и добавил, словно решившись на что-то очень важное. – Но он, слава Аллаху, был не единственным моим источником...

* * *

Двигатели молчали, а громадный С-130 продолжал полет. Только вместо оглушительного рева моторов «Эллисон» фюзеляж наполнился свистом ветра, и стало слышно, как набегающий поток треплет брезентовые стропы крепежных сеток. Потом самолет качнуло, он слегка клюнул носом, словно серфер, соскальзывающий с гребня волны, и плавно двинулся вниз.

Сергеев вскочил, еще не понимая, что будет делать дальше. Тело начало действовать еще до того, как в голове сложился хоть какой-нибудь завалященький план – сидеть и ждать неминуемой смерти он не собирался в любом случае. Влетев в кабину, он упал в кресло и, щелкая тумблерами, попытался перезапустить двигатели, но бросив взгляд на индикаторы топлива, понял, что впустую тратит время.

Баки были продырявлены и теперь уже пусты окончательно. Даже то, что это летающее решето поднялось в воздух и продержалось в полете почти полчаса, было подарком судьбы. Теперь надо было мечтать о том, что рука провидения посадит многотонный «джамбо», но у Михаила было не настолько сильное воображение. Он даже закрыл глаза и задержал дыхание, чтобы мысли прекратили бешеный бег, и он мог найти хоть маленькую лазейку к спасению. Базилевич и Аль-Фахри дышали в затылок, свистел ветер, врываясь в кабину. Было холодно, и Сергеев на мгновение будто бы замерз, уткнувшись носом в приборную доску и просчитывая варианты.

Вариантов не было.

С-130 уже начал терять высоту, приобретая дифферент на нос, и Михаил невольно шумно сглотнул слюну, представив как через несколько минут огромная туша транспортника свалится в пике.

Внизу пролетала красная земля, покрытая, словно лишаем, пятнами редкого кустарника. Ее пересекали сухие, как кожа мумии, овраги, зажатые в теснинах осыпающихся алой трухой стен, и похожие сверху на низкие барханы возвышенности. Вдалеке по курсу полета – нет, теперь уже по траектории падения! – Сергеев разглядел похожее на ножевой порез пересохшее русло одного из притоков реки – по растрескавшейся земле пылили антилопы. За ними вилось пылевое облако. С-130 мог садиться на короткие, неподготовленные полосы – в этом была одна из сильных сторон транспортника, но сесть на такой пересеченной местности мог только вертолет. «Впрочем, – Сергеев невесело усмехнулся про себя, – сесть можно где угодно, но только один раз».

Самолет продолжал неуклонное снижение, делая это плавно и величаво, не сваливаясь в штопор: он терял высоту, словно раненый обессилевший гусь, скользящий к горизонту, вдаль от стрелков, растопырив пробитые дробью крылья. Сколько у нас еще есть – пара минут? Пять минут?

Взгляд Сергеева упал на планшет с летной картой, валяющийся в луже крови под сидением штурмана. Предупредив жест Михаила, Хасан выхватил его из-под кресла. Сама карта была густо перемазана бурым. Сергеев попытался смахнуть налет с ламинированной поверхности, выпачкал руки, но так и рассмотрел под красными мазками обозначенную фломастером ВПП,[5 - ВПП – взлетно-посадочная полоса.] с которой они взлетели около получаса назад.

Их курс лежал на северо-восток, значит – вот в этом направлении...

Сергеев заскользил пальцами по шершавой бурой корке.

Вот она – река, а вот похожий на след сабельного удара приток, который он видел несколько секунд назад...

С-130 как раз несся над ним со скоростью в 300 километров в час и на высоте в 1000 метров или что-то около того: альтиметр был вырван из приборной доски крупнокалиберной пулей, и определить точнее Михаил бы не смог при всем желании. Одно было бесспорно – транспортник терял высоту каждое мгновение, при этом приближаясь к границе Эритреи и неровной береговой линии, которую нежно лизали воды океана. Но до берега было еще далеко. Слишком далеко. И если даже предположить, что «Джамбо»[6 - «Джамбо» – сленговое название транспортника С-130.] рухнет на землю пролетев еще 3-4 километра, то до побережья будет как минимум километров 50-70 по прямой. А в Африке прямых дорог не бывает – это Сергеев знал со времен своей первой командировки на Черный континент. Конечно, с Сибирью или амазонскими джунглями сомалийские пустоши не сравнить, но и без таежных болот и буреломов здесь, на востоке Африки, провести по карте прямую между двумя точками гораздо проще, чем доехать до цели.

Сергеев поднял глаза и оценил, насколько снизился самолет за те секунды, что он всматривался в карту, и с трудом усмирив холодный шар, вдруг задвигавшийся вниз живота.

Можно сколько угодно смотреть в лицо смерти, но безбожно врут те, кто рассказывает, что к этому можно привыкнуть. Каждый раз ощущение близкой кончины заставляло сжаться все клетки тела, превращала кишки, мочевого пузырь и екавшую от страха селезенку в смерзшийся, бесформенный комок. Разница между видевшим смерть десятки раз Сергеевым и рядовым обывателем,

никогда не державшим в руках ничего опаснее кухонного ножа, состояла в том, что профессионал не впадал в ступор, покорно ожидая, пока костлявая возьмет свое. Его мозг давал команду, и дальше все происходило неосознанно, на уровне рефлекса – кровь вскипала от адреналинового потока, стягивало пересохший рот, частил пульс и зрачки превращались в булавочные уколы на роговице. Теоретически можно было представить себе опасность, которая заставила бы окаменеть и профессионала, но в 90 случаях из 100 опытный человек продолжает сражаться за свою жизнь до последней секунды.

И, что интересно, иногда выживает в совершенно безнадежных обстоятельствах. Сейчас обстоятельства полно и окончательно характеризовались двумя словами: полная жопа. Сергеев прекрасно понимал, что если даже ему удастся каким-то чудом посадить самолет, не превратив их троих в мешки с переломанными костями, то до побережья им еще ехать и ехать...

Ехать!

Сергеев резко развернулся в кресле, мазнув взглядом по перекошенному лицу Базилевича, и уткнулся в черные, как нефть, глаза Аль-Фахри.

– Джип, – прохрипел Сергеев высохшим горлом. – Отцепи джип и заводи! Ничего больше! Сядь за руль и жди... Мне надо удержать самолет до самого последнего момента...

Антон Тарасович метнулся из кабины с мышинным писком.

Хасан кивнул, но Сергеев уже отвернулся прочь – были дела поважнее.

C-130 потерял минимум половину из набранной высоты и продолжал снижение. Сергеев не был профессиональным пилотом, но то, что машина практически не рыскала и не меняла угол тангажа, [7 - Тангаж (фр. tangage – килевая качка), поворот или раскачивание летательного аппарата вокруг поперечной горизонтальной оси (когда нос опускается вниз, или поднимается вверх). Угол этого вращения называется углом тангажа. Это один из трёх углов (крен, тангаж и рыскание), соответствующих трём углам Эйлера, которые задают наклон летательного средства относительно его центра. По отношению к морским судам используется термин «дифферент» с таким же значением. В авиации различают тангаж с увеличением угла (когда нос поднимается вверх) –

кабрирование и тангаж с уменьшением угла (когда нос опускается вниз) – пикирование.] не казалось ему чудом. Хорошо сконструированный планер мог быть очень устойчивым и при неработающих моторах, особенно если не было бокового ветра. Такими превосходными летными качествами отличались старенькие АН, сотни которых летали над Африкой вот уже тридцать с лишним лет. Но массивный, как перекормленный голубь, «Джамбо»... В полете громадной изрешеченной машины однозначно было что-то мистическое – многотонная туша скользила вниз на воздушном потоке, словно корабль, влекомый приливной волной. Вертикальная скорость была очень большой, куда больше предельно допустимой, но транспортник все-таки не падал камнем, а снижался, правда, по крутой глиссаде.[8 - Глиссада – окончательная прямолинейная траектория, высчитываемая пилотом, обеспечивающая оптимальный заход на посадку и приземление в заданном месте.]

Михаил еще раз посмотрел на карту и напряг слезящиеся от ветра глаза, силясь рассмотреть впереди хоть какой-то ориентир. На планшете не было обозначено никаких возвышенностей, но найти внизу хоть один ровный участок, который можно было бы посчитать подобием «взлетки», Сергеев не мог. Рывины, покатые горбы, растущий полосами кустарник, провалы, снова длинные склоны... Выбрать место для посадки было невозможно и практически, и технически – Сергеев просто пытался оценить то, на что ему придется падать.

Очень важно было сейчас не нарушить равновесие самолета. Порыв бокового ветра, резкое смещение достаточно большой массы внутри планера могло привести к заваливанию «Джамбо», а выровнять С-130 без гидравлики и манипуляций с тягой двигателей не смог бы никто, даже самый крутой на свете воздушный ас.

Сергеев скользнул в грузовой отсек.

Из-под «лендровера» с двух сторон торчали ноги: Хасан с Базилевичем снимали с креплений принайтовленный джип. Михаил одним взглядом оценил обстановку. Разбитый джип Вонючки торчал поперек пандуса, как кривой зуб, перекрывая треть просвета. Сбросить его сейчас возможным не представлялось. Скорее всего, именно его масса, сосредоточенная в крайней задней точке планера, не давала опуститься носу С-130-го. Значит, проблему с проемом на аппарели надо будет решать походу дела, а не сейчас.

Сергеев проверил, стоит ли джип на скорости и ручнике, быстро опустил на колени и, нащупав замки, принялся споро работать ручкой, ослабляя натяжение троса.

В уме он считал секунды, стараясь держать в уме скорость снижения «Джамбо» – по всему выходило, что времени у них – буквально пара минут.

Крюк крепления грянулся о пол. Михаил ударом каблука выбил один из «башмаков» из-под колеса и снова метнулся в кабину, успев заметить, что со вторым передним колесом уже возится Хасан. Картина, открывшаяся ему из пилотской кабины, могла бросить в дрожь любого, но Сергеев был готов увидеть нечто подобное и поэтому только лишь отметил, что самолет уже несется в полусотне метров над землей, чудом сохраняя устойчивость. Самым страшным было то, что единственным слышимым звуком был вой набегающего потока, врывающегося в самолет через пулевые пробоины и разбитые стекла. Громадная туша транспортника стремительно рассекала горячий, дрожащий, словно мираж, воздух. В транспортном отсеке взревел двигатель «лендровера». Сергеев в три прыжка оказался рядом с машиной и упал в кресло водителя.

Ремней безопасности в машине не было, а это был как раз тот случай, когда Михаилу очень бы хотелось пристегнуться. Он включил заднюю передачу и развернулся вполоборота, чтобы видеть аппарель – за ней было видно землю, слившуюся в красную ковровую дорожку от бешеной скорости. Высота над поверхностью земли не превышала тридцати метров. Это была не посадка, не снижение, это был настоящий бреющий полет на скорости более 200-т километров в час!

– Держитесь! – крикнул Сергеев и бросил Лендровер назад, метя правым углом кузова в искореженный джип Сержанта Че. Антон Тарасович профессионально сжался в точку и канул в промежутке между передними и задними сидениями. От удара у Михаила лязгнули зубы. Их машина пошла боком, едва не развернувшись поперек фюзеляжа, но джип Вонючки из самолета не вылетел. Зато центр тяжести «130-го» резко сместился к хвостовому оперению и «Джамбо» начал задирать нос, словно садящийся на воду гусь. От встречного потока, упершегося в нижние плоскости крыльев, скорость резко упала, и С-130 просел на хвост, потеряв более полутора десятков метров высоты. Сергеев, выкручивая руль, дал газу, и «Лендровер» метнулся вперед, на стенку пилотской кабины, но не успел в нее врезаться: «Джамбо» зацепил землю краем аппарели, и гидравлические опоры механизма открывания скрутило, словно пруттики.

Машину Вонючки сорвало с места и швырнуло вовнутрь, прямо на «лендровер» Сергеева, так впечатав его в стену.

Сергеева приложило о руль, Хасана о поручень, торчащий из приборной доски, Базилевич жалобно заскулил из-за спинки водителя. С трудом соображающий, оглушенный Сергеев ударил по педали газа и снова со скрежетом врезался задним бампером в искореженный капот разбитой машины. С-130 просел на нос, задирая хвост – разбитый «фонарь» неся в нескольких метрах над красноватой пылью, но задеть поверхность все же не успел – джип Михаила уже толкал второй «лендровер» к разбитой аппарели. Хвостовое оперение «Джамбо» пошло вниз, помогая Сергееву инерцией и силой земного тяготения. Джип Сержанта Че ударился колесами о задранный, словно край крышки открытой консервной банки, металл, сделал кульбит и, на мгновения повиснув над землей, завалился назад, словно черепаха на спину, показывая изуродованные ударом рычаги подвески. Сергеев видел все это, как в рапиде – вот машина показала замасленное брюхо с огромным фаллосом кардана, неловко вывернутые ступни колес – потом край кузова коснулся пролетающей под ними со скоростью скоростного экспресса земли, и двухтонный джип сдуло, как пушинку! Сергеев видел, как летит, кружась, нечто отдаленно напоминающее африканского «проходимца», и во все стороны разлетаются куски металла, вырванные из корпуса чудовищной силой удара. Деваться было некуда – стараясь держать «лендровер» в середине проема, Михаил бросил вездеход наружу, надеясь не на свое мастерство, а только на везение. Десантироваться на машине из катящегося по бетонной ВПП самолета, или выпрыгивать из того же самолета, летящего над пересеченной местностью на скорости под 200 километров в час, задачи совершенно разные. Просто другого шанса, пусть эфемерного, у них не было. И этого-то почти не было, но, по крайней мере, оставалась надежда.

С-130, потерявший одно из шасси при взлете, коснулся земли уцелевшими колесами как раз в тот миг, когда «лендровер» Сергеева покинул грузовой отсек задним ходом. Многотонная туша «Джамбо» завалилась на бок, и правое крыло ударило о грунт с такой силой, что бочки двигателей прыснули в разные стороны. Транспортник накренило на другой борт, и двигатели левого крыла тоже снесло, словно ударом палаша.

Джип еще не успел коснуться колесами земли, а С-130 уже начал разваливаться на части. Сергеев успел переключить коробку на «нейтраль», когда машина тяжело рухнула на землю и понеслась вперед, отплясывая всеми четырьмя колесами, как взбесившийся жеребец. Михаил вцепился в руль (управлять он

пока даже не пробовал!) и застучал ногой по педали тормоза. Хасана первое касание едва не отправило за борт, но араб удержался, чуть не оторвав поручень, и тут же «лендровер» снова взмыл в воздух птицей, взлетев с высокого пригорка. Базилевич, раскорячившийся между рядами сидений, заорал так, что у Сергеева судорогой свело спину. Новый удар подвеской и передней балкой – джип едва не перевернулся, заплясал, в воздухе зависали то правые, то левые колеса. Они влетели в облако «кровавой» пыли, поднятой самолетом, и Сергеев окончательно перестал замечать хоть что-нибудь. Машину понесло боком, выбросило из облака на чистый воздух, и внезапно прозревший Михаил увидел, как прямо на них летит, подпрыгивая, огромный, немисливо изогнутый винт от одного из двигателей. «Лендровер» пёр ему навстречу, как по рельсам, и Сергеев закрутил рулем, силясь изменить траекторию. Пропеллер все еще крутился и прыгал, как резиновый мячик, неотвратимо приближаясь: искореженные лопасти испарывали воздух и вырывали куски почвы. Вот он взмыл вверх в нескольких метрах от капота джипа...

Михаил закрыл глаза и втянул голову в плечи с таким усердием, что любая черепаха умерла бы от зависти. Волосы на макушке стали дыбом то ли от ужаса, то ли от касания многокилограммовой лопасти. Что-то хрупнуло, и тут же машина содрогнулась от удара – пропеллерная лопасть проскочила аккурат между Сергеевым и Аль-Фахри, разрубив заднее сидение и вырвав откидной борт вместе с креплениями. Михаил отпустил тормоз и только благодаря этому смог увернуться от куска обшивки и обломков стойки шасси – «лендровер», потерявший от удара скорость, внезапно начал слушаться руля.

Машина взлетела на пригорок, снова прыгнула, но уже не так высоко, ухнула в лощину и, выскочив из нее, завиляла и опять исчезла в облаке пыли и обломков, в которые по ходу превращался самолет. Грохот рвущегося дюраля внезапно перешел в громоподобный удар металла о металл. Впереди загудело, словно расшалившиеся великаны ударили в колокол. Сергеев вцепился в руль, буквально продавливая педаль тормоза сквозь пол. Джип затрясло, как на «гребенке», что-то со скрежетом проехало по борту, машину потрянуло, из красной круговерти на них начало надвигаться нечто огромное, закрывающее солнце. Внезапно стало слышно, как скрипит земля под заблокированными колесами «лендровера», как бормочет все еще не заглохший движок и сыпется сверху неизвестно что с неприятным, до мурашек по спине, жестяным шорохом.

Утробно заскрипев внутренностями, джип стал. Сергеев попробовал оторвать руки от баранки, но у него ничего не получилось. Скрюченные побелевшие

пальцы держали руль мертвой хваткой. Рядом на сидении, точно так же намертво вцепившись в поручень, замер Нукер. Глаза у него были, что называется, квадратные, а подбородок залит яркой и блестящей, как лак для ногтей, кровью.

Привстать у Михаила тоже не получилось – давившая на тормоз нога никак не желала сгибаться. Пыль, кружась, оседала, и постепенно стало видно, что прямо перед ними громоздятся обломки «джамбо». Они не загорелись, потому, что в баках не было ни капли топлива, но от кучи дюралья отчетливо несло запахами горячего масла и паленой изоляции, и курился над искореженными кусками обшивки легкий дымок.

C-130 превратился в металлолом не только от удара о землю. Прямо перед беглецами, закрывая затянутое красной мглой небо, стоял посреди выжженной пустыни огромный ржавый танкер, остановивший стремительный смертельный полет транспортника своим бортом. Сергеев сидел, не в силах поверить собственным глазам. Может быть, по морским представлениям танкер был не особенно велик, но здесь, на суше, да еще и от неожиданности, его размеры поражали! Некогда белые надстройки окончательно потеряли цвет под испепеляющим африканским солнцем, краска сошла с них неопрятными чешуйками. По шершавым бортам ползли рыжие потеки, из клюза свисал огрызок массивной якорной цепи. Сам якорь почти зарылся в песок у самого форштевня...

В песок!

Сергеев встал и, припадая на больную ногу, зашагал к кораблю, неловкий, как раненый андроид из фильма Ридли Скотта. Песок. Он ошибся в своих расчетах. Когда-то здесь было устье реки, и в него штормом загнало судно. Потом вода ушла, а корабль остался на вечном приколе. Стоимость операции по его спасению во много раз превышала стоимость самого танкера – такое случается сплошь и рядом, и попавшие в беду корабли оставляют умирать. Он стоял здесь многие годы, вращая в песок, ветшая и ржавея, и если его не разрежут на металлолом, будет стоять, пока не рассыплется в труху.

Сергеев сделал еще шаг по красной, твердой, как камень, земле, и заковылял по крупному, того же, что и почва, красновато-серого оттенка, песку.

Стоящий здесь корабль означал, что до побережья осталось всего ничего – от силы с десятков километров, а не пятьдесят, как Михаил предполагал, когда они снижались. Они были северо-западнее Джибути, неподалеку от мятежной провинции Эритреи и их бегство вовсе не кончилось благополучно. Оно только начиналось. Тем более что Сергеев прятаться не собирался.

Он стоял на вершине покатой песчаной дюны и смотрел на многомильный «пляж», протянувшийся перед ним до самого океана. Океан был там, впереди, где ультрамариновое африканское небо становилось еще синее и оттеняло белые мазки перьевых облаков – дыхание огромного зеркала воды чувствовалось даже на этом расстоянии.

Сергеев сел и захватив полную пригоршню крупного, как кристаллы каменной соли, песка, пропустил его между пальцами. Песчинки с громким шорохом стекли с ладони. Хасан опустился рядом и устроился поудобнее, охватив колени.

Они молчали. Было слышно, как у автомобиля кряхтит и постанывает истрепанный Базилевич. Если бы не этот звук, тишина была бы абсолютной.

В кармане хаки Михаил обнаружил раздавленную пачку сигарет. Зажигалка нашлась у Хасана, и они закурили, выпустив в раскаленный воздух струи табачного дыма. Сигареты были полупустые, дешевые, но удовольствия это не портило. Они были живы. Живы.

– Ну, что? – спросил Аль-Фахри. – Теперь на север?

Сергеев кивнул и облизнул пересохшие губы шершавым, как рашпиль, языком.

– На север, Хасан. Мы встретим их в порту...

– Ты не оставишь их в покое, – араб констатировал факт. – Это из-за сына? Из-за женщины?

Михаил снова кивнул.

– Это правильно, – согласился Хасан. – Я бы тоже сделал так.

Он помолчал, сделал несколько затяжек и зарыл окурок в песок у ног.

– Женщина, ребенок, груз – это для тебя теперь вопрос чести. Значит, все усложняется...

Он встал.

– Я посмотрю, сможем ли мы ехать. Дорога предстоит дальняя.

Он сделал несколько шагов к джипу, остановился и сказал через плечо.

– Аллах любит тебя, Сергеев...

– Это точно, – сказал Михаил и сощурился, разыскивая глазами шар солнца. Впереди был не только долгий путь, но и изнуряющая жара. Облегчение наступит только после заката. – Аллах меня любит... И я этому рад, хоть мы и не имеем чести быть друг другу представлены...

Глава 2

Когда-то, очень давно, настолько давно, что теперь это казалось вычитанным в старой книге, Сергеев первый раз искупался в горной реке. Это случилось на Кавказе, неподалеку от Афона, дивного города, нынче выжженного войной до угольев.

Лет ему тогда было шесть... Или, может быть, и шести еще не стукнуло. Не суть важно...

Это было летом, жарким летом. Насколько жарким, что даже в тени дикого орешника, которым густо поросли обрывистые берега холодной, как лед безымянной речушки, плескалась влажная густая духота. Она была полна горячих запахов: пыльной листвы, стремительно зреющей под лучами солнца ежевики, терпкого кизила и крупной перезревшей до предела, сиреневой шелковицы. И только над самой поверхностью несущейся вскачь воды начинало веять прохладой; запахи вымывались, тонули в стремительном, прозрачном

потоке, воздух над речушкой становился стерильным, и нестерпимо хотелось пить. Сделать то, что ни в Москве, ни у тетки в Киеве и в голову бы не пришло – сунуть потное, разгоряченное ходьбой лицо в реку и сделать огромный глоток, ощутив, как кристально чистая ледяная вода обжигает рот, как ломит зубы от снежного холода.

Он так и сделал, опасливо оглянувшись через плечо на мать с отцом, стоявших у самого брода, который им предстояло одолеть. Шагнул в поток, тут же поднявшийся ему до бедер, не удержавшись, наклонился и окунул лицо в воду. Лицо мгновенно заоченело, кожу щек стянуло, свело пальцы на ногах, но он не испугался, а с наслаждением сделал несколько глотков и вынырнул отфыркиваясь.

Отец стоял, приобняв мать за плечи, и оба улыбались, глядя на сына. Они были молодыми, красивыми и совершенно беззаботными – так могли выглядеть только советские отдыхающие с рекламных плакатов объединения профсоюзов, нарисованные художником с тяжелой формой нарушения цветопередачи – загорелая до черноты семейная пара на фоне синего чернильного моря, гор с белыми остроконечными вершинами и белого же корабля. Сергеев и запомнил их такими – мать в легком цветастом платье, в солнцезащитных очках «а-ля Грейс Келли» (стекла были непроглядно темны, но Миша точно знал, что за ними прячутся бархатно-нежные мамины глаза, обрамленные пушистыми ресницами) и волосами, схваченными черепаховым гребнем. А отец в белой рубашке и полотняных брюках, тоже в очках, но они сдвинуты на лоб, и он щурится от яркого света, отчего в углах глаз множатся морщинки. Волосы и брови у отца выгоревшие, особенно брови, и оттого выражение лица кажется слегка изумленным.

Они улыбаются, а маленький Сергеев, не отрывая от них взгляда, разводит руки крестом и падает на спину, в летящий поток. Река подхватывает его упругой влажной ладонью, поднимает на поверхность и стремительно несет прочь от брода. Михаил помнил это восхитительное ощущение полета над каменистым дном, помнил, как немело от ледяного объятия тело и яркие солнечные лучи окунались в белую пену, вскипающую у его лица. Сергеев так и летел бы дальше на этом «полярном экспрессе», но его качнуло близким тяжелым всплеском, сильная, твердая, как железо, рука ухватила поперек и одним рывком вырвала из нежных и смертоносных, как змеиные кольца, водяных объятий.

Потом они с отцом сидели на берегу, раздетые до трусов, от разложенной на камнях одежды поднимался парок, и мама, все еще взволнованная, гладила Мишу по голове...

А рядом шумел и пенился бурунами горный поток: гудел, урчал, скрежетал каменными зубами и вздыхал об упущенной жертве, проваливаясь за поворот. Река петляла меж зарослей, прорезала попавшиеся на пути сады – сады, совсем не похожие на подмосковные или украинские. Там созревал на ветках золотистый и сиренево-пыльный инжир, желтела алыча и на низкорослых кустах среди мелких глянцевых листков издавали слабый горький аромат еще твердые мандарины. Двигаясь дальше, река врывалась в бетонную трубу под железнодорожными путями, испуганно ковыляла через табачное поле, над которым тяжело гудели толстые шмели да пчелы, и, расплескав на прибрежной круглой гальке силу, накопленную в горах, впадала в теплое и чистое море.

Сергеев вздрогнул и открыл глаза. Пахло вовсе не мандаринами и шиповником, а грязной водой и, почему-то, сырой штукатуркой. На железном балкончике, где Михаил провел добрые полчаса и даже умудрился задремать, было негде и повернуться. Вот откуда пришел сон о ледяной воде, от которой сводило мышцы – Сергеев действительно с трудом мог пошевелить затекшими конечностями, а любимое колено Чичо ныло, как пульпитный зуб, и даже дергало в точности, как он. Одно было хорошо: поток унес Михаила достаточно далеко от канализационных стоков, и теперь появилась возможность дышать носом, не захлебываясь при этом рвотой.

Сергеев чувствовал себя слепым. Вокруг него клубилась влажная, отдающая половой тряпкой тьма. Она не была абсолютной черной тьмой, скорее непроницаемым оттенком серого, но если протянуть руку, то...

Михаил протянул вперед руку и не увидел собственной кисти. Ладонь удалось рассмотреть только с расстояния в пару десятков сантиметров. И как прикажете идти? Он осторожно, спустился по железной лесенке и невольно охнул, спрыгнув в воду. В этом туннеле поток поднялся по грудь, что было неприятно, но не смертельно, особенно после недавнего сплава со скоростью курьерского поезда под самым потолком.

Сейчас приходилось двигаться по течению, так что Сергеев даже не раздвигал телом воду – просто шел, подталкиваемый потоком, стараясь не сходить со шпал. Приходилось идти вслепую, но выбора не было. Фонарик он давно

потерял, «аварийка» здесь не функционировала, хотя несколько раз Сергеев видел, как проскочили под сводами бледные электрические искры, и только осклизлые ребра бетонных шпал помогали ему держать направление. Он словно двигался по широкой направляющей и каждый раз, натываясь на токосъемник (путь обесточился давным-давно), невольно вздрагивал душой от накачивающего страха. Лучше было путешествовать во тьме, чем испечься под электрической дугой. Много крат лучше...

Через четверть часа он вышел на станцию. Тут располагался крупный пересадочный узел – вода разбежалась по ответвлениям туннелей, уровень ее упал, и теперь подземная река доходила Сергееву только до середины бедра. Стало гораздо больше мусора и крыс – их писк доносился до ушей Михаила со всех сторон. Сергеев сошел с рельсов и, нащупав край платформы, взобрался на перрон. Для этого ему пришлось подтянуться, и от усилий снова взвыли закоченевшие, растянутые и забитые в драке мышцы. Сергеев с трудом, перебарывая боль, разогнулся и сделал несколько шагов по гранитным плитам пола, покрытым влажной жирной грязью, поверх которой журчала сбегаящая сверху вода. Он не сразу понял, что обрел способность видеть: из серого сумрака вдруг выступили колонны, пространство над головой внезапно расширилось, словно тьма вздохнула полной грудью, и разжижилась, стекая по коже щек ржавым туманом. Повеяло воздухом с улицы, кислой канализационной вонью, и совсем слабо, почти неразличимо – озоном.

Стало понятно, что путь вывел его на одну из станций неглубокого залегания, благо такие были и в центре Москвы, а не только на окраинах: свет шел оттуда же, откуда текла вода – с широких, заиленных лестниц. Сергеев облегченно вздохнул и выбрался на открытое пространство.

– Вот так встреча! – произнес Мангуст. – И то правду говорили древние: «Все дороги ведут в Рим!». Рад видеть тебя, кадет! Как добрался?

Он отделился от стены черным сгустком и перетек на центр лестницы, оказавшись точно перед Сергеевым. Глаза Михаила настолько привыкли к полумраку, что ему удалось выделить на этом темном пятне не только светлый мазок лица и темные капли глаз на нем, но даже рассмотреть, что куратора помяло гораздо больше, чем он хотел бы показать противнику. Мангуста перекосило на сторону, словно от радикулита и руку, поврежденную в схватке, он неловко держал перед грудью, словно что-то хрупкое.

– Спасибо, – ответил Сергеев, не повышая голоса, – твоими молитвами. Я смотрю, ты подустал?

– Есть немного. А что – так заметно?

– Есть немного. Я рад, что ты меня дождался. Надо же когда-нибудь поставить точку?

– Несомненно. Помнишь, я рассказывал вам, что победа особенно остро чувствуется, когда ты убиваешь собственными руками? Не из огнестрела, не взрывом, а именно руками? Например, ножом?

– О, да... Ты всегда был поэтом в этом деле...

– Нет, Миша. Это ты всегда был поэтом, – возразил Мангуст, начиная спускаться по лестнице. – А я был и остаюсь прагматиком. Убивать нельзя любить или не любить – это часть нашей жизни, нашей работы. Я просто ее делаю. Но что это за работа, если в процессе выполнения ты не испытываешь удовольствия?

Он привычно заухал и тут же закашлялся, скособочившись еще больше.

– Вот, черт! Старею... Ты ж вроде меня и не сильно приложил, что ж так болит-то?

Интуитивно Сергеев понял, что Мангусту не настолько больно, как он сейчас изображает – старый лис явно пытался усыпить внимание противника. Он был ранен, искалечен, но все так же хитер и все так же опасен. Он был бы опасен и с перебитыми конечностями, и скованный по рукам и ногам, и даже мечущийся в бреду от многодневной лихорадки. Мангуст был опасен до тех пор, пока дышал, пока билось его сердце.

Одно утешало Сергеева – сам он тоже был смертельно опасен до последнего вздоха. Его хорошо учили и учителем определенно был лучший из лучших – тот, с которым он сейчас сошелся лицом к лицу.

Мангуст шел вниз настолько спокойно, что Сергеев невольно сделал шаг назад и в сторону, обеспечив себе прикрытие в виде колонны и ощупывая взглядом

лестницу за спиной куратора. Не тот человек был Андрей Алексеевич, чтобы вот так беспечно идти грудью на пулю, без припасенного туза в рукаве. В руках у Мангуста оружия не было, но Михаил прекрасно знал, что у куратора в прежние времена была «фишка», чтобы не сказать помешательство на скрытом ношении оружия, и кто-то из ребят, кажется Генка Кульков – Кулек, говорил, что даже если Мангуст выйдет на бой раздетый догола, то можно быть уверенным, что у него где-то припрятан стилет.

– Рано или поздно, – продолжил Мангуст, – все должно получить логическое завершение. Много лет, Миша, мы с тобой были рядом и могли без колебаний умереть друг за друга, но в тот момент, когда наши пути разошлись, можно было наверняка сказать, что скоро все выгорит дотла, до пепла и останется только ненависть. Ни ты, ни Кручинин просто не способны понять, что мир изменился настолько, что к нему невозможно подходить со старыми мерками. Мир не просто другой, он вывернут наизнанку – черное стало белым, белое – черным, а уж что стало с добром и злом...

Андрей Алексеевич снова издал утробой тот страшный звук, который от считал смехом.

– Но вы-то... Вы-то – лучшие, подготовленные, привитые еще в детстве от любых проявлений идеализма, настоящие легионеры страны – вы-то должны были приспособиться, адаптироваться и снова стать незаменимыми в новых условиях...

– Не все могут быть такими, как ты, Андрей Алексеевич... Но и ты допустил ошибку. Ферзем тебе не стать. Здесь есть только один король и множество слонов на каждой клетке. Своя партия, свои правила, свои фигуры. Ты взял на себя грязную работу. Не просто грязную, а такую, которую не отмолить – ни в парткоме, ни в церкви. Я, конечно, не ты – ты опытнее, хитрее и давно научился плевать на все, что тебе мешает, но, Мангуст, ты так хотел в дамки, что забыл о том, что никогда, нигде и ни одна власть не оставляет на виду инструмент, которым сделана грязное дело. Это золотое правило, ты сам учил нас похожим вещам. Ты был нужен, пока ты был нужен. Сегодня ты обуза. Не ключевая фигура, а отпечаток пальца на орудии убийства. И я боюсь, что просто не успею до тебя добраться, прежде чем это сделают другие. Ты помеха, Андрей Алексеевич, ты больной зуб, ты – геморрой: сам выбери, что тебе больше нравится... И перестань мне рассказывать о своей исключительности стоя в затопленном метро, по колено в чужом дерьме.

– Что ж ты столько сил потратил, чтобы добраться до инструмента, а, Умка? – спросил Мангуст, ступив на последний лестничный марш. Теперь их с Сергеевым разделяло от силы пятнадцать шагов, и Михаил уже прекрасно видел не только серое от усталости и боли лицо бывшего куратора, но и два сгустка тьмы, скользящие за Мангустом вдоль стен. Еще двое из мангустовской гвардии – персональные ниндзя с короткими автоматами в руках. Вот и тот самый стилет...

– Зачем тебе ломать молоток, тем более что его и без тебя сломают? Лез бы грызть глотку тем, кого считаешь главными, а не клал жизнь на то, чтобы сожрать пешку! Или кишка тонка? Ты снова несешь бред, Михаил Александрович! Снова пытаешься сделать вид, что кроме тебя и твоего дохлого Санчо Панса, в мире нет ни одного порядочного человека. В чем ты меня обвиняешь? В том, что я снова подставил плечо своей стране? Так я и твоей новой родине его подставил! Ты что, думаешь, что по ту сторону границы не было заинтересованных в таком ходе событий?

Мангуст показал зубы – из серой мглы на Сергеева оскалился пес-призрак.

– Не будь наивным! Были, конечно же! Те, кто опоздал к переделу 90-х, те, кого бортанули в 94-ом, те, кто опоздал к пирогу в 99-ом, неудачники 2004-го... Да сколько там всех, кто слюни роняет при одной мысли о власти! А сейчас – новый передел, значит, новые возможности сунуть рыло в кормушку! Да, я, Умка – волшебник! Добрый Хоттабыч, а ты меня все убить пытаешься!

У Сергеева стал в горле ком. Он детально не представлял себе размеров произошедшего на Украине, но и того, что он знал, хватало, чтобы перекошиться от ненависти.

– Там погибли люди, Мангуст! – Выдавил он через силу сквозь окаменевшие вдруг голосовые связки. – Понимаешь, люди! Ты же не сволочь даже, ты нелюдь... Как ты стал таким? Да если бы я знал, что ты сделаешь, я бы тебя кончил еще в первый день...

– Да неужто? – искренне развеселился Андрей Алексеевич. – Ой, сомневаюсь я, Мишенька, сомневаюсь! Я-то помню, каким ты был в свой первый день! Перепуганный воробушек – смотреть и смешно, и жалко. Сиротинушка с красными глазками... И из вот той задроченной птички какого орла взрастили! На радость отечеству, на страх врагам! Умка, ты хоть совесть бы имел! Сколько

у тебя покойников на счету? Сто? Двести? Больше? Что ты мне всё втираешь, салага, про совесть и про гуманизм? Убил бы он меня! Да ты мне всю жизнь в рот смотрел, пока не вырос и крыша у тебя не уехала! Святая невинность, блядь, сопли развел! На кого ты хвост поднимаешь? Что ты знаешь? Что я сделал? Что у тебя есть кроме домыслов? То ты носился со своей записью, как девка с целкой, и не понимал, что в сравнении со всем, что творится у вас в курятнике, твой компромат – что петросьянские шутки – не смешно и никому не интересно. Но людей обидел, просьбу не выполнил! Что это добавило тебе, кроме неприятностей? Ничего! Кто тебе спасибо сказал? Да никто! Скажешь, твои шефы тебя спасать бросились? Никто и пальцем не пошевелил! Кто ты для них? Пария! Ассенизатор, делающий грязную работу! Так ты под нее и заточен, кадет, и ничего другого делать не умеешь! Только мы тебя, неблагодарного, ценим, а ты нам в лицо плюёшь! Скажи спасибо, что не пристрелили, а ведь могли! И тебя, и Викторию Андроновну твою, и девку ее... На «раз» ведь могли, как два пальца об асфальт! Твои сослуживцы бывшие приехали бы и кончили бы всех за день! Ты ведь знаешь, как это делается, да, Мишенька?

Сгусток тьмы за его спиной шевельнулся и Сергеев, на доли секунды опережая короткую прицельную очередь, прынул за колонну. Пули высекли искры из мрамора, застрочил второй автомат, но Умка уже несся в темноту положившись на инстинкты и удачу, потому что более надеяться было не на что. Он спиной ощущал троицу бросившуюся за ним в погоню: Мангуста он практически не слышал. Даже раненым куратор издавал куда меньше шума, чем двое его телохранителей – все-таки выучка у ребят была не та! Сергеевские одноклассники скользили бы призраками, а не топотали, как испуганные носороги. Перед самым краем платформы Михаил прыгнул, переворачиваясь в воздухе на спину, заскользил плечами по жирной грязевой пленке и, поймав на мушку темный силуэт, выскочивший на открытое пространство, послал в него две последние пули из трофейного «Макара».

Потом платформа кончилась, и Сергеев обрушился затылком в воду, крутнулся угрем, подныривая под край перрона, и побежал, выставив из воды часть лица – бетонная кромка скрывала его от пуль, полосовавших грязный поток. Били из одного ствола, и Умка понял, что все-таки попал и одним «ниндзя» стало меньше. Он бежал не оглядываясь, пока едва не разбил себе лоб о железную лесенку, закрывавшую ход в тоннель. Умка потерял темп, едва не упал, но выровнялся, выскочил на шпалы, семена, словно иноходец, и тут в воду в полуметре за ним обрушился Мангуст. Сергеев не видел лица нападавшего, он, вообще, услышал только всплеск, но знал, что это прыгнул настоящий волк, и что надо не бежать, а сражаться, потому, что бежать уже некуда. Он нырнул в

мутный водоворот, меняя направление движения на 180 градусов, досконально представляя себе, как замер на месте промахнувшийся Мангуст: с раскинутыми руками, раскоряченный в своей непонятной вьетнамской боевой позе, и понял, что у куратора только нож – любимое оружие, которое Андрей Алексеевич оставлял на десерт.

Задержав дыхание, Умка медленно выскользнул из воды – не весь, а ровно до уровня глаз и завис против течения, касаясь шпал носками ботинок, словно притаившийся в засаде аллигатор. В тоннеле было значительно темнее, чем на платформе, но они схватились практически рядом со станцией, и серый свет московской непогоды размешивал непроглядную темноту подземелья.

Мангуст действительно стоял в раскорячку в нескольких метрах от Сергеева, как Умка себе и представлял, только поднята вверх у него была одна рука – вторая так и свисала вдоль туловища плетью. И еще: в отличие от воображаемого, настоящий Андрей Алексеевич медленно, словно локатор, поворачивался вокруг своей оси. В здоровой руке он сжимал нож, но лезвие его было абсолютно черным – на стали не играли отблески неверного света. Сергеев знал это оружие – кривой, загнутый полумесяцем клинок с двумя режущими кромками бритвенной остроты – Мангуст привез его из Индонезии много лет назад и на спор легко рассекал им подброшенный металлический рубль.

Вода с журчанием обтекала сухощавое тело куратора – звук был отчетливо слышен, несмотря на могучее гудение, раздававшееся из темного жерла туннеля. Там, в нескольких сонях метров, в неспешное течение грязной воды вливались несколько бурных потоков из соседних веток. Здесь же было сравнительно тихо, и Сергеев понял, что Мангуст, зная, что Умка не станет фыркать и отплеиваться в момент выныривания, все же, скорее всего, старается сориентироваться по звуку: изменения фона можно было расслышать. Словно в ответ на мысли бывшего кадета, Мангуст вдруг прынул в сторону, качнулся, рука его, сорвавшись с места, описала дугу, и Умка едва успел рухнуть на спину, отдаваясь течению – черный, кривой, как львиный коготь, клинок просвистел в сантиметрах от его лица и едва не вспорол шею и грудь. На вторую атаку Сергеев не успел среагировать, он еще и не вынырнул, когда почувствовал касание к предплечью и легкое жжение от бицепса к плечу. Михаил забился, словно пойманная рыба, исполнил под водой замысловатый кульбит, нырнул и поплыл по течению над самыми шпалами, стараясь не появляться на поверхности так долго, сколько хватало сил, старательно загребая мутное месиво здоровой правой и стремительно немеющей левой рукой.

Он вынырнул, когда грудь почти лопалась от задержки дыхания, еще чуть-чуть и перед глазами побежали бы красные круги. Несмотря на то, что Умка плыл по течению, от платформы ему удалось отдалиться метров на двадцать, не более. Одно было хорошо – Мангуст нырять не решился, а бежал за ним и отставал на добрых метров пять, но что такое пять метров для находящегося в боевом трансе профессионала? Сергеев бросился ему навстречу, подставляя под удар клинок ставший бесполезной болванкой «Макаров». Лязгнуло железо, Умка развернулся вокруг своей оси, метя ребром ладони в открытый затылок Мангуста, но, естественно, не попал. Андрей Алексеевич легко ускользнул из-под удара, да и сам успел отмахнуться лезвием, но тоже промахнулся. Паузы не случилось, наоборот, последовала следующая стремительная атака. Умка едва успел заблокировать два колющих выпада и чуть не пропустил режущий взмах, не заметив переверот клинка, проделанный Мангустом за доли секунды. Работать ногами, находясь по грудь в воде, было невозможно, но к счастью, это делало невозможным и мгновенные сближения – излюбленный прием куратора. Каждый прыжок заставлял их толкать воду впереди себя, и это давало возможность маневрировать, не допуская сшибки корпус в корпус, которая неминуемо бы закончилась плохо для одного из них. И у Умки не было иллюзий: он был не уверен, что обязательно станет победителем – удар ножа не повредил ему сухожилий, но глубокая рана, рассекшая плечо, обильно кровоточила, и Сергеев терял силы, а травма Мангуста хоть и была тяжела, но не открыта, и он не боялся кровопотери, а, значит, мог выждать.

Умка сделал шаг в сторону, провалился почти по горло, увернулся от очередного выпада противника, и снова занял выгодную позицию со стороны раненой руки куратора. Мангуст в ответ крутанул мельницу: с одной рукой это был не прием, а пародия на прием, но скованность движений едва не сыграла для Сергеева роковую роль – клинок снова просвистел в опасной близости от плоти. И тогда от боли, наступающей слабости и от отчаяния Умка забыл о правилах и боевых умениях и повел себя словно ребенок во время купания: изо всех сил плеснул водой в перекошенное от ярости лицо куратора. От неожиданности Мангуст на мгновение ослеп, но Сергееву хватило и этого момента. Удар рукоятью «Макарова», если его нанести сильно и точно, может раздробить череп. С точностью у Михаила не задалось, удар вышел по касательной, но вполне убедительный. Кожа на лбу у Андрея Алексеевича лопнула наискось, глаза помутнели. Сергеев ударил второй раз – по ключице руки держащей клинок. Кости разлетелись с треском, и рука упала плетью. Мангуст зарычал страшным утробным рыком и ухнул под воду. Не утонул, не ушел, а именно ухнул, словно в прорубь – нырнул стремительно, и залитое кровью лицо, в которое метил его бывший кадет, исчезло в бурой жиже. Михаил нырнул за ним, но руки схватили

пустоту. Сергеев шарил вокруг, силясь ухватить Мангуста, но напрасно... Истребитель змей, пешка неуклонно, всю жизнь, стремившаяся в дамки, великий боец и учитель исчез – словно не было его.

– Мангуст! – заорал Умка изо всех сил! – Вернись!

Голос садился, и слезы хлынули у Сергеева из глаз. Болело тело, ныла каждая кость, жгла огнем свежая рана на предплечье, но более всего – адским огнем – горела не насытившаяся местью душа. Смерть врага могла напоить ее, но Умка не видел смерти врага, он видел только его бегство.

– Тварь! Вернись! Мы не закончили! Вернись, трус!

Но звуки бились под сводами тоннеля метро, и никто ничего не говорил в ответ. Спор так и остался незаконченным. Мангуст был ранен. Ранен смертельно. Такой удар по ключице вгонял кости в сердце и легкие, и должен был убить жертву на месте. Но это был Мангуст, человек, которого Сергеев хоронил дважды, и он не видел причину, по которой воскрешение не могло случиться в третий раз. В сердцах Умка швырнул «Макаров» в темноту и побрел к платформе. Там, конечно, мог прятаться последний ниндзя из команды бывшего куратора, а мог и сбежать в страхе, но, видит Бог, Сергееву хотелось, чтобы он все еще оставался там.

Если бы кто-то мог увидеть Михаила Александровича в этот момент, то при определенной впечатлительности заработал бы себе пару недель бессонницы. На грязном, перекошенном лице алыми, полными нечеловеческой злобы, угольями, горели глаза. И только кровь врага могла погасить этот огонь.

Он вскочил на платформу не чувствуя боли, расправил сведенные судорогой плечи и сказал гулким, дребезжащим на низах голосом:

– Эй! Ты еще здесь? Я пришел за тобой!

* * *

– Интересно, – осведомился Вадим не без обиды. – И как ты собираешься идти без меня? Вот так серьезно считаешь, что я оставлю тебя и двинусь обратно к

Равви?

Сергеев промолчал. Он был занят серьезным делом – пытался переполовинить свой походный рюкзак. Тащить все полностью было тяжело, да и бессмысленно. Вряд ли в этом переходе ему бы понадобилось столько барахла. Немного сухпая, фляга со спиртным, пара индивидуальных пакетов, шприц-тубы с антибиотиком и обезболивающим, несколько брусков пластида, детонаторы в водонепроницаемом боксе...

Рюкзак распухал на глазах.

Сергеев вздохнул и принялся выкладывать все обратно на стол.

– Что ты молчишь, Миша? – спросил Матвей. – Ты его вязать будешь? Или пойдешь ночью? Как тать? А меня свяжешь? В одиночку у тебя нет ни одного шанса!

– Шансов нет в любом случае, – сказал Сергеев глухо. – Но это не повод, чтобы волочь в пекло вас.

Он посмотрел на разложенную амуницию, сел и медленно закурил, просчитывая ситуацию.

По всему выходило, что Матвей от него не отцепится. Мотл был совсем плох, когда они добрались до кибуца, инъекции наркотиков и кофеина вздернули его нервную систему, и сейчас Подольский был не так страшен, как во время их совместного путешествия, но Михаил видел, что Матвей может уйти в любой момент. Даже сейчас – в паузе между затычками. Вадик тоже был полон решимости продолжать путь. Возможно, из чувства долга, возможно, из чувства личной признательности к Сергееву, а, может быть, и из обычного мальчишеского упрямства, от которого бывший десантник так и не избавился за все эти годы. Мотивация в подобной ситуации решающей роли не играла, Умка и сам понимал, что взывать к логике и спорить бессмысленно. Во-первых, потому, что логики в его собственных действиях и словах не было, а во-вторых, потому, что Матвеем и Вадимом руководили совершенно другие побудительные мотивы, никакого отношения к рациональным не имеющие.

– Мы достаточно взрослые, чтобы решать сами, – Вадим смотрел на Сергеева серьезно и упрямо. – Миша, мы идем с тобой. Более того, настоятельно тебе рекомендую взять у Лёвы небольшую группу. Пусть проводят нас через минные поля до Тракта...

– Глупости, – сказал Сергеев. – Проходы есть на GPS. Никто нам не нужен. И если вы – два дурака! – решили сунуть голову в мышеловку вместе со мной, то это вовсе не значит, что надо тащить за собой молодняк.

– Я сказал до Тракта! – возразил Вадик. – До Тракта ничего страшного ожидается. А оттуда, если наша Шехрезада ничего не напутала и мы правильно сориентировались по спутниковым фото, нам еще 25 верст по Пограничью и десять строго на Север, через лес. Я, кстати, высмотрел там просеку, если не заросла или не заминировали на всякий пожарный, так просека просто загляденье. По ней к стройке лес подвозили от вот этой вот лесопилки.

Он ткнул пальцем в грубо слеplенную из отдельных спутниковых фото карту.

– Видишь, вот тут... Все вокруг они вырубилИ – это же строился стратегический объект, чтобы скрыто никто не подошел, а возили отсюда. Тут лесхозы были – вот и вот развалины. Этот, очевидно, горел... Воронки есть вокруг, кого-то выкуривали...

– Банду Семихатько, – вмешался в разговор вошедший Лев Андреевич, – лет этак шесть назад. Мы тогда еще сидели тише воды и ниже травы, а Гриша куражился. Решил, что с Трубы может дань брать. Он склад нашел, а на нем армейские минометы, и в один прекрасный день возомнил, что он Котовский. Поставил «трубы» на кузова, подкатился к охраняемой зоне, и лупанул из 100-миллиметровых по повысительной[9 - Повысительная станция – специальное сооружение на газопроводе, с помощью которого происходит увеличение давления в трубе для перекачки газа на расстояния.] станции, для вящей убедительности требований...

Левин сел, стащил с ног самодельные унты и пошевелил пальцами ног.

– Жарко в доме, – пояснил он. – Ноги я мыл, так что все нормально, мужики!

– Я Гришу помню, – сказал Сергеев, раскуривая сигарету.

– Гад был редкостный. Я с ним два раза в Киеве сшибался, но его самого не достал. Людишки у него были дрянь, таких и поискать – хрен найдешь, а сам он, говорили, то ли учитель музыки, то ли аккордеонист из дома культуры...

– Ага... – радостно поддержал Левин. – Баянист он был. Как выпьет – с баяном в кузове вокруг базы катается и поет. Сам не видел, но перебежчик у меня был, рассказывал. Кстати, нормальный мужик, из уголовных, правда, но такой – правильный... Его в прошлом году убило, до сих пор жалею! Так вот, он говорил, что ровно через полчаса после того, как Семихатько ударил по повысительной и принялся с баяном кататься на грузовике вокруг лесхоза и петь, от возбуждения, наверное, со стороны границы зашли две «Сушки», и через тридцать секунд семихатькино воинство перестало существовать. Этот мой перебежчик – Митрич, один остался в живых и приполз с двумя стальными шарикам в ноге, контуженый и без половины скальпа, так что едва выходили. Благо антибиотиков было вдосталь – это когда ты с Равви базу откопал, – обратился он к Сергееву, и тот кивнул. – Так что, ребята, лесхоз не штурмовали. Лесхоз просто стерли с лица земли, а потом распахали из пулеметов. Там не спрячешься, так что как на укрытие на развалины не рассчитывайте. Хотя, с другой стороны, место там меченое, а дважды в одну воронку, вроде, не попадает...

– А второй лесхоз? Тот, где лесопилка была? – спросил Вадим. – Тут железнодорожная ветка подходит с севера. И дорога, а сзади – та самая просека. Я на нее глаз положил...

– Вот со вторым лесхозом полегче, – Левин провел по карте могучим пальцем с коротко остриженным ногтем. – С одной стороны. Вот только бывает, что ветку эту пользуется ИУИН, [10 - ИУИН – Имперское Управление Исполнения Наказаний.] не часто, но последние полгода раза три-четыре. Подвозили вертухаи вагончика по два, по три интернированных и вываливали в загородку. Потом ставили пулеметы на заднюю площадку «Столыпина» и дули обратно, к границе. Тех, кто пытался бежать за ними по путям, расстреливали, а остальные оставались там, в бараках, но, сам понимаешь, особо в тех полусгоревших сараях не усидишь – ни еды, ни питья. Источник есть, но вода в нем гнилая, пить нельзя – проверяли. Кровавый понос обеспечен. Около источника даже надпись есть, но когда лето и припекает – народ на надписи не особо смотрит. И дня через три у здешних собачек полно еды. Так что у интернированных там задерживаться – условий нет. Дорога на север одна, железная, и за появление на ней расстреливают, три болота рядом, собаки ходят к баракам за трупами, как к кормушке: тела не закопаешь – торфяник, так что псам там раздолье, а людям – верная смерть. Вот

и выходят они на Тракт...

Левин поднял глаза на Сергеева.

– А на Тракте... На Тракте, сам понимаешь... Кто-то ловит рабов, кто-то вербует бойцов, а кое-кто приходит за филейчиками, не к ночи будь сказано. Я, например, думал, что подростков отлавливают для жертвоприношений. Или для воспитания в культе Капища. У нас такое рассказывали...

– Да у нас тоже... – произнес Умка, разглядывая карту. – Я пока не столкнулся сам – не поверил бы. Знаешь, мы, конечно, тут привыкли ко всему – когда людям некуда деваться, они хватаются за религию, как за соломинку! Уж тебе и Равви это известно, как никому... И выглядит внешне весь этот кошмар как какой-то религиозный выворот, но, Лев Андреевич, поверь, рядом с религией – любой религией – это и рядом не лежало. Чисто технологический проект, только вместо механизмов живые люди.

– А что показал Али-Баба? – спросил Левин. – Он, как я понимаю, тоже там не бывал. Приглашали только...

– Понимаешь, – Сергеев порылся в куче отложенных в сторону вещей и извлек из нее свой любимый курвиметр, даренный Бондаревым много лет назад. – На самом-то деле, никто точно ничего не знает. Мы базируемся на предположениях. Смотри...

Минут десять все они, склонившись над картой, что-то измеряли, сопоставляли генштабовскую километровку нужного района со склеенными скотчем спутниковыми фотографиями на второй карте, похожей больше не на карту на лоскутное одеяло...

– Нет тут другого места, – сказал Сергеев твердо. – Идеально подходит. Почти вплотную к «нейтрали», ниже и левее – брошенная станция, та, на которую УИНовцы отправляют поезда. Обрати внимание – ветка проходит почти вплотную. Можно не машинами, а вагонами получать и продовольствие, и оружие, и оборудование. Расстояние – всего ничего. И никаких подозрений. Так что 99 шансов из 100, что все это хозяйство расположили на недостроенной станции.

Бетонное сооружение, полоса отчуждения сделана еще при строительстве, автономное энергоснабжение тоже предусмотрено – думаю, кабель тянули вот отсюда...

Он показал, откуда именно тянули силовую нитку, и Левин задумчиво поскреб затылок.

Подольский пожал плечами.

– Неужели думали, что никто не найдет? – спросил он с недоумением. – Ведь практически все открыто?

– А что там искать? – возразил Левин. – Чего нормальному человеку туда соваться? В этом-то и смысл! Любой недоумок на третий день пребывания в Зоне Совместного влияния знает, что на севере возле Трубы делать нечего. Вернее, делать, может быть, и есть чего, только голову в здешних местах отшибают сразу и без церемоний. Патрули ООНовцев южнее, конфедераты – западнее, Восточная республика за Днепр голову не сунет, да и до Днепра в этих широтах им пылить добрых полсотни верст по Зоне влияния «белых касок». Оно им надо? Выходит, что станция целиком и полностью под контролем имперцев, что и требовалось доказать. Территория ничья, а контроль – ясно чей. Плюс – удобная транспортная развязка. Так что, Мотл, скажу тебе, как практик, ежели б я вдруг, в паче чаяния, решил организовать что-нибудь тайное и незаконное под прикрытием одной из сил влияния, я бы и сам выбрал это место, и хер меня б оттуда кто выцарапал. Даже превосходящими силами.

– Вот почему, – добавил Сергеев, – я не исключаю, что вместо нужной нам Школы Негодяев, мы можем обнаружить банальную героиновую фабрику, сляпанную наспех двумя генералами и ушлым прапорщиком. Потому, что прибыль от «герыча» не меньше, а головной боли не больше... Тракт-то рядом...

– Не думаю, – произнес Подольский, и покачал головой. – Я, конечно, много лет из Зоны носа не высовываю, но и двадцать лет назад существовал и контроль за клонированием, и разные комитеты, которые следили за всеми генными технологиями, и вся эта психохимия с нейропрограммированием была, как бы это сказать помягче – не совсем в рамках закона. Так, что, Миша, имею право предположить, что спрос на подобные исследования и эксперименты над...

Он запнулся на миг.

– ... над живым материалом должен был только вырасти. Тут, у нас, твори, что хочешь – нет проблем.

Сергеев кивнул.

– Я с Матвеем согласен, – поддержал Подольского Левин. – Героиновых фабрик лично громил три, а сколько их поставили на Ничьей Земле в расчете на турецкий коридор – я и посчитать не могу. А вот такую, как ты описал, фабрику по изготовлению универсальных солдат еще не видел. Это не дурью торговать, мужики! Если правильно отработать вопрос, то с такой вот летучей группой из запрограммированных пацанов можно за раз срубить столько, что медельинцы[11 - Медельинцы – Левин имеет виду членов знаменитого наркокартеля из города Медельин в Колумбии.] соплями умоются...

– Мд-а... – неожиданно веско сказал Вадим. – Государственные перевороты сегодня в цене...

– А они всегда в цене, – отозвался Сергеев. – Можешь мне на слово поверить. Как специалисту в этом вопросе. Ладно, ребята, как я понимаю, проверять все равно будем экспериментальным порядком, так что теории можем оставить на случай нашей неудачи... Предлагаю сделать следующим образом...

Михаил предполагал, что по самому Тракту им предстояло пройти всего ничего – полтора десятка километров. Остальную дорогу он проложил по проселкам и лесным тропам – благо в районе когда-то велась лесозаготовка, и просеки, если верить снимкам, все еще не затянуло молодой порослью. Итого кружным путем предстояло преодолеть шестьдесят пять верст. На этот пробег хватало бензина, который они привезли с собой, а вот на обратный путь (Сергееву сжимало сердце нехорошим предчувствием, но строить планы без уверенности в возможности благополучного возвращения он не умел и не хотел) нужно было залить литров 20 из резерва кибуца. Прокладывать более короткий маршрут Умка не рискнул – здесь север, и патрульный самолет потратит до минуты, чтобы отклониться от курса и расстрелять неопознанный объект, попавшийся на глаза службам мониторинга зоны трубопроводов. Вот, две «нитки» на карте и та самая повысительная станция, которую обстрелял самонадеянный Семихатько, совсем рядом, можно сказать – рукой подать! Хувер надо будет замаскировать

на территории второго лесхоза, и оттуда уже двигаться скрытно, пешим порядком. Растительности вплоть до стен несостоявшейся атомной, практически нет, но складки местности есть, а, значит, маячить перед часовыми не придется, придется много ползать на брюхе, но к этому не привыкать! Конечно, не исключен вариант установки датчиков, но если сведения Льва Андреевича не устарели, живности в округе столько, что сенсоры просто бесполезны.

Станция на снимках выглядела совершенно заброшенной, и те, кто, возможно, на этой территории окопался, очень хотели, что бы все так и выглядело, но было очевидно, что ближние подступы напичканы видеокамерами, и пройтись от полосы дальнего леса до ворот как по бульвару не получится. Несколько километров по неглубоким овражкам...

От основной железнодорожной ветки к кое-как навешенным на петли воротам станции, вело метров 400 пути. Этакий отросток, проклюнувшийся из примитивного разъезда – с ним хозяева Школы явно прокололись. За время бездействия путь должен был банально проржаветь, а тут, на снимке, рельсы поблескивали. Использовали «железку» таинственные обитатели заброшенной станции, не смогли удержаться от соблазна! Очень уж удобно было загонять вагоны прямо во внутренний двор. Куда удобнее, чем возить оборудование и продовольствие грузовиками, и как только Сергеев увидел на фото, датированных прошлой осенью, поблескивающие полосы рельсовой стали, как сразу стали понятны УИНовские вагончики и то, почему репатриационный пункт устроили настолько близко к границе. Правы ребята – не героинный заводик в этих бетонных коробках и не склад контрабандный товаров. И его, надо сказать, интуиция редко подводит, просто поверить в свою удачу, имея в наличии только догадки да смутные ориентиры Али-Бабы, он не мог, как профессионал.

– Ну, все вроде бы складно выходит, – одобрил Лев Андреевич. – Не скажу, что совершенно гладко, но и без чапаевщины...

Умка улыбнулся.

Рядом с Левиным и его страстью к кавалеристским наскокам тактика, которую исповедовал Сергеев, была более чем консервативна. Но на Леве лежала ответственность за сотни жизней обитателей кибуца. Он уже не был сам по себе, а, значит, обязан был стать осмотрительней, осторожней, рассудительней...

И стал.

Сергеев же оставался одиночкой.

Вернее, теперь, как и всегда до того, их было трое. Тройка. Как в старые добрые времена. Тройка – излюбленная боевая единица Конторы. Кулек, Умка и Бэмби. Умка, Вязаный и Копун. Умка, Мотл и Вадик. Не хватало только Молчуна. Он выпадал из наигранной схемы. Вообще, то, что чувствовал Умка по отношению к этому парнишке, не вписывалось в обыденную схему. До этого в схему не вписывалась Плотникова с Маринкой. Кручинин не вписывался. Их всегда учили тому, что главное это не люди, не твои партнеры по тройке, не ребята, бок о бок с которыми ты шел все годы, и даже не богоподобные кураторы, а некий высший смысл, ради которого кадеты, ежели будет сказано «надо», должны немедленно сложить головы.

Сергеев всегда недоумевал (правда, внутренне, про себя, наружу такие крамольные мысли допускать было нельзя!), почему ради высшего смысла надо умереть? Не выжить и приносить пользу далее, а именно умереть! Почему каждого из них приучали к мысли о жертвенности, о неизбежной смерти, ожидающей их в конце каждого задания? Нет, их, конечно, учили выживать, но не для того, чтобы сохранить для общества! Они должны были выжить для того, чтобы в нужный момент суметь принести себя в жертву Высшему Смыслу – сначала Партии и Империи, потом только Империи, ставшей Мифом, но остававшейся силой в реальности, а, нынче – возродившейся, словно птица Феникс из призрачного небытия. Вся их идеология представляла некую вычурную смесь Кодекса Бусидо и спартанского воспитания, сдобренной изрядно имперским высокомерием, невниманием к человеческим потребностям и имперским же презрением к чужой жизни.

То, что Сергеев сохранил способность привязываться, было несомненным браком конторского воспитания. Любовь к Империи, преданность своей касте, абсолютная беспощадность к врагам – вот те всходы, зерна которых закладывались в него с детства. Но никогда и ни при каких обстоятельствах кадет не должен был и не мог предпочесть чужих – своим. Никогда.

Прав, тысячу раз прав был Мангуст, сумевший к концу карьеры (и к концу собственной жизни!) определить в Умке качественный системный брак! В прошлые годы такого вывода было бы достаточно для смертного приговора, и его бы привели бы в исполнение при первом удобном случае. Свои бы и привели.

И сами бы оплакали, накрыв гроб флагом, потому что вполне прогнозируемый покойник значительно удобнее непрогнозируемого оперативника. Система тщательно оберегала себя от дефектов. Меч не должен думать, он должен быть остр, хорошо сбалансирован, и не скользить в мокрой от крови врагов руке.

Сидя за старым столом в жарко натопленной рубленой по-русски избе, в поселении, названным чужим еврейским словом «кибуц» на самом Севере бывшей Украины, приткнувшись к пограничным Полесским лесам, Сергеев вдруг неожиданно остро ощутил себя наследником той самой Империи, осколком прошлого. Времени, в которые ничего подобного просто не могло произойти.

Но произошло.

– Мы уйдем сегодня, – сказал Сергеев негромко, обведя взглядом собравшихся за столом соратников. – Выходим за два часа до заката. Втроем. Просьба, Лева – проход через ТВОЁ минное поле.

– Не вопрос, Сергеев, – Левин задумчиво почесал щеку. – Сделаем. Оружие?

– Вадим, займись...

– Сделаем, командир!

– Сколько человек может быть в вашем тазике?

– Четверо. Пятеро уже напряг.

– Еще одного возьмете?

– У тебя, что? Лишние люди? – спросил Умка.

– Лишних нет, но как ты на счет снайпера? Хороший снайпер, Миша! Можешь мне поверить...

– Снайпер – это хорошо, – согласился Сергеев. – Я подумаю.

– Подумай. Время есть.

В начале Умка думал, что ему показалось, но потом понял, что не ошибся. На несколько мгновений стекла в рамах завибрировали (на такое можно было бы не обратить внимание, если не прислушиваться), потом гудение пропало. Сергеев шагнул к окну, но ткнулся взглядом в маскировочную сетку, за которой мелькнула серая тень. Из низких, и тяжелых, как грязная пена, облаков вывалился выкрашенный в зимние маскировочные цвета биплан, обутый в широкие посадочные лыжи. Он планировал к земле с выключенным мотором, раскачивая коротким фюзеляжем, неуклюже, как садящийся на воду гусь растопыривший крылья и перепончатые лапы.

Сергеев вспомнил, что именно в такой манере садился, светлой памяти, Перышко – пьянчуга-контрабандист, разбившийся много лет назад, с которым Умка выбирался из затопленной Москвы (раненый, с кустарно зашитой раной на плече и совершенно обезумевший от тревоги за близких), и с которым потом возил грузы на Ничью Землю. И даже самолет у него был похожий – древний, дрожащий всем телом «кукурузник», только непонятного серо-зеленого цвета.

«Ну, вот, подумал Михаил, кто-то из ребят Саманты доставил „карету“ для Али-Бабы. Значит, уже сегодня одной проблемой станет меньше. Но ничего не закончится. Ничего».

Самолет исчез из виду – он уже скользил по полю разворачиваясь в сторону ворот, и встречающие во главе с Сэм, бежали навстречу, растягивая на ходу маскировочную сеть. Сергеев покрутил в руках небольшой пенал с закрученной крышкой, и снова положил его среди своих разобранных вещей.

Слово надо было держать, но Сергееву совсем не хотелось это делать. Только вот времени на то, чтобы мучиться сомнениями не оставалось. Он посмотрел на склонившихся над столом соратников, взял пенал, на секунду прикрыл глаза и пошел к дверям.

Али-Баба дремал в своей комнате и посадки самолета не слышал. Медики Левина напичкали его антибиотиками и обезболивающими, как собственного бойца – Лев Андреевич распорядился, значит, так надо. Глаза у араба были мутноваты со сна, но соображал он всегда хорошо – Сергеев в этом не сомневался.

Вот и сейчас: для того, чтобы навести резкость, Али-Бабе понадобилось всего несколько секунд. Сергеев сел на табурет у изголовья раненого и поставил пенал на колено.

– За тобой прислали транспорт, – сказал Сергеев. – Сегодня ты улетишь. Я сдержу слово.

Араб смолчал, только быстро, по-змеиному облизал языком сухие губы. Сергеев не отрываясь смотрел на осунувшееся лицо одного из самых разыскиваемых людей планеты.

Ну! Пора решаться...

И он решился. В конце концов, все что требуется – это всего лишь оставаться в рамках московских договоренностей, не так ли, господа – бывшие коллеги? Ты этого хотел, Жорж Данден!

– В этом контейнере – GPS – модуль. Сейчас он изолирован от внешнего мира. Его клон установлен в тайнике с нужным тебе материалом. Сам понимаешь, все, что там было я перенести бы не смог и за год, что успел – то успел, но судя по маркировке там больше 200 килограмм. Хватит с головой. Основное хранилище не ищи, не надо. И времени у тебя не будет, да и предохранился я от такого любопытства весьма основательно. В общем – не рекомендую. Пока все понятно?

Али-Баба кивнул.

– Значит, продолжаем... Вертолет там особо посадить негде. Развалины. Очень много завалов. Есть только одна точка в радиусе до полукилометра. Запомнишь?

Когда Али-Баба опять кивнул, Сергеев назвал координаты.

– Модуль вскрыешь только тогда, когда высадитесь. Только тогда, не ранее, не на подлете, а только когда посадите вертушку. Его включение активизирует клон и они между собой договорятся, а сразу после этого заработает маяк. Заведется он через минуты три-четыре и даст вам направление. Это север – северо-восток, но без модуля, по одному азимуту, вы на тайник не выйдете – у них в мозгах заложен постоянный обмен «свой-чужой». Чужого оно к себе не

подпустит, это плюс, но есть и минусы... Клоны устанавливают связь через спутники, а, значит, как только устройство сработает, у вас от силы 30 минут, чтобы убраться подальше. Включить спутниковый маяк в районе, который находится под наблюдением – все равно, что вставить себе в задницу зажженный новогодний фейерверк и попытаться спрятаться в темной комнате. А в том, что район мониторится, можешь не сомневаться: вас искали, и будут искать, пока не вычислят. Контору не кидают, а ты попытался и теперь у тебя проблемы. Но не у меня. Я делаю то, что обещал. И если у твоих парней что-то пойдет не так, я за это ответственности не несу.

Сергеев замолчал, опустив голову, а потом взглянул в глаза арабу.

– Теперь я хочу кое-что услышать от тебя.

– Я сделаю все, как обещал...

– Когда и как?

– Начну, как только доберусь до места.

– Как?

– Контейнерный заброс, со стороны Турции. Ты же знаешь, что у меня там свои возможности. Через Россию теперь ничего не пойдет, почему – объяснять не надо. Точки выгрузки мы оговорили. Оборудование и лекарства куплены. Сбросим все в течение недели, с низких высот. Это район ответственности ООН, а с ними мои друзья умеют договариваться. Слово я сдержу... Все будет, как обещал.

– Я же неверный... – ухмыльнулся Умка.

– Да. Неверный, но я тебе обязан.

– Это точно. И не забывай...

– Не волнуйся. Не забуду.

Михаил положил контейнер на постель рядом с перевязанной рукой собеседника. В последний момент кисть его замерла над металлическим цилиндром, но он, сдержавшись, оставил все как есть. Если Али-Баба и заметил момент колебания, но сделал вид, что ничего не произошло.

- Ну, вот... - проговорил Сергеев с некоторым трудом. - Договорились. Предупреждать тебя не буду, сам все знаешь. Если что не так будет - найду под землей, а я искать умею. И вот еще что... Хасану передай - я рад, что он выжил. Но иначе тогда поступить не мог и сейчас бы по-другому не поступил. Мы играли за разные команды, но он мужчина и настоящий боец ... Я умею ценить мужество врага.

- Как ни странно - он тоже...

Али-Баба улыбнулся одной стороной рта.

- Именно он сказал и мне, что из всех твоих коллег он доверился бы только тебе.

- Ну, и отлично... Значит - это взаимность! Готовься. Если все без изменений, то вылетите в течение часа. Сейчас попрошу связистов, чтобы дали тебе трубу - позвонишь. Успеют твои подтянуться к месту встречи?

- Если живы - то да. Если нет, то остальное уже значения не имеет. Пусть пилот меня высадит - и все. Что будет дальше - мои заботы.

- Удачи, - сказал Сергеев. - Когда ты будешь готов, я зайду попрощаться.

Умка вышел, как всегда ровно держа спину, но прикрыв за собой двери, сгорбился, будто бы на плечи ему положили бетонный блок. Если бы он знал, у кого попросить прощения, то, наверное, попросил бы. Но он не знал. А вот то, что без помощи извне его стране придется плохо - знал совершенно точно. И все остальное действительно не имело значения. Прав Вадим. Прав Мотл. Нельзя защитить весь мир, да и не нужно, если честно говорить. Мир не любит собственных защитников, они для него эволюционная отбраковка - выживают не добряки, а циники и прохвосты, они лучше приспособлены к жизни. Мир жесток и на том стоит. Так что помогать надо вполне конкретным людям и по вполне конкретному поводу. В огороженном от беспечного мира колючкой и минными полями гетто со стыдливым названием Зона Совместного Влияния, таких вот

нуждающихся было в избытке. И Сергеев знал, что делает выбор в их пользу, пусть этот выбор и тяжел для него.

Из приоткрытой двери в гостиную слышался шум – гудел на басах Левин, можно было разобрать голос подошедшей Саманты, покашливания Матвея. Умка приостановился в коридоре, посчитал про себя до десяти, провел руками по лицу, словно смахивая с него что-то, и только потом шагнул в комнату. На пороге его качнуло: не так, чтобы сильно, но вполне ощутимо. На секунду он даже потерял равновесие, коснулся плечом притолоки, попытался вздохнуть полной грудью, но ничего не получилось. Мучительно закололо в подреберье, и, чем больше Михаил пытался втянуть в себя воздух, тем сильнее и резче болело в боку, и он невольно кренился на сторону, как подбитый корабль. Последний раз так плотно его скрутило почти год назад, в поезде, по дороге на Львов.

В Тернополе тогда только грохнули генерал-губернатора, причем убили шумно, с особым цинизмом. Сергеев и не подозревал о происшествии – сарафанное радио не успело сработать, да и не могло никак – заместника Речи Посполитой «обнулили» практически в тот момент, как Умка инфильтровался на территорию находящуюся в ведении Ромы Шалая – бывшего сергеевского однокашника, ныне начальника Службы Безпэки при гетмане Конфедерации Мыколе Стецкиве. Рома при всех странностях и «забобонах» был мастером своего дела и на политическую акцию во вверенном ему хозяйстве отреагировал, как учили – то есть поставил всех на уши. Границы с Молдавией и вотчиной пожизненного Бацьки, конечно, были дырявыми, но они к ведомству Шалая не относились, пусть там погранцы изощряются, Приднестровскую демаркационную линию давно охранял Российский иностранный легион, а польская была укреплена словно Линия Мажино. Так что помешать перступникам перебежать границу Шалай не мог, но внутри страны всех своих филеров и контрразведчиков поднял в ружье, как озверевший сержант – салаг-новобранцев.

Институт генерал-губернаторов поляки ввели не во всей Конфедерации, а только на землях, которые Иосиф Виссарионович с соратниками аннексировали в сентябре 1939-го. Сергеев полагал, что сделано это было не зря – соседи из Варшавы явно спали и видели очень даже реальную возможность репарации. Опыт возврата давно потерянной собственности, откатанный в прибалтийских странах, уже был, документы какие-никакие сохранились, «де юре» присоединенные территории все еще находились на военном положении и за порядком там следили польские войска – хотя и под НАТОвской эгидой. Генерал-губернатор, представлявший интересы оккупационной власти, формально был

свадебным генералом при власти местной, а вот неформально решал множество вопросов на вверенной ему земле и ни с кем не советовался.

Тернопольский генерал-губернатор был мужик решительный, даром, что «голубой» до синевы, и по мозолям местных элит топтался так, что кости хрустели. Элиты выли, писали доносы в Варшаву, слали компрометирующие наместника фото и видео, позабыв о европейской свободе нравов, но все – безрезультатно. Исчерпав аргументы, представители бизнес-знати вспомнили о том, что наместник близко, а Варшава далеко, и наняли специалистов. Спецы оказались грамотные, с нетривиальным подходом к решаемой проблеме, и совсем скоро генерал-губернатор возлег в джакузи рядом с молодым белокурым любовником, который любил деньги больше, чем плотские утехы с немолодым сановником. Именно он пустил в квартиру, снятую для тайных встреч, двух сравнительно молодых людей, которые должны были установить скрытые видеокамеры.

Парни провозились в доме совсем недолго, только вот устанавливали они вовсе не видеокамеры, и десять тысяч евро, полученные неразумным любовником за такую незначительную услугу, впрок ему не пошли. Во время следующего визита расслабленный нежными ласками губернатор обнял милого друга за накачанные плечи, отхлебнул из бокала ледяного шампанского и включил гидромассажер. Незначительное изменение в схеме проводки привело к тому, что одновременно с этим любвеобильный чиновник подал в воду ток под напряжением в 380 вольт. Поставленные мастеровитыми молодыми людьми мощные предохранители выдержали ровно три с половиной минуты. За это время два «голубка» успели наполовину приготовиться.

Первыми в любовное гнездышко – и надо же было такому случиться?! – попали не сотрудники СБ, не полицейские тернопольской «крипо», [12 - Крипо– старое название криминальной полиции в Германии и Австро-Венгрии.] а неизвестно кем предупрежденные прожженные «журналюги», которых и журналистами назвать язык не поворачивался. Фото круто сваренного губернатора и его молодого друга выпорхнуло в Интернет через 15 минут после смерти оных. Если до того у особо тупых граждан можно было зачать мысль о несчастном случае, то после демарша прессы сомнений в насильственной смерти уже не было ни у кого!

Понятно, что «зачищать» свидетелей и «рисовать картинку» при таких обстоятельствах Шалай не мог. Все грязное белье вывалилось наружу, и СБ,

вместо того, чтобы привычно замести мусор под ковер, было вынуждено выступать открыто и обещать показательно разорвать преступников на части. Каждый мало-мальски грамотный человек понимал, что речь шла только об исполнителях убийства. Заказчики теоретически были известны, а вот практически наказать их возможным не представлялось: ни одной ниточки к тем, кто внес некоторые изменения в конструкцию джакузи, не вело. Роман Иванович прекрасно осознавал бесполезность своих действий с точки зрения профессионала, а вот с точки зрения обывателя должен был исполнить танец с саблями: иначе, что это получается? Получается, что на глазах у гетманской безопасности можно «завалить» кого угодно, и ничего за это не будет? Такого беспорядка Шалай допустить никак не мог, и розыскные мероприятия практически превратились в мероприятия по устрашению.

Сергеев мирно спал у себя на полке, когда в купе идущего от Белой Церкви на Львов «почонка»[13 - Почонок – поезд по-польски.] без стука ввалились жандармы в сопровождении двух гражданских панов с профессионально тухлыми физиономиями. Вернее, в купе ввалились только жандармы, а эти двое остались в коридоре, расположившись ловко, чтобы в случае стрельбы не угодить под шальную пулю.

– Контроль документов! – громко сказал один из них, зажигая потолочные лампы и загоразивая дверной проем. – Досмотр! Извините, господа! Приготовьте вещи для досмотра!

Он говорил на украинском, и мягкое произношение безошибочно выдавало в нем бывшего жителя юго-востока.

Второй же при разговоре цокал и щелкал так, что его украинский походил на нечистый польский или какое-то птичье наречие.

– Что в сумках? Оружие? Наркотики? Подрывная литература? Чемодан откройте, пан... Откуда едете? Куда?

От шинелей их неуловимо пахло мокрой псиной, хоть и были они одеты в форму нового образца из неплохой ткани, короткие полушинели да в папах-«петлюровки» и вряд ли ждали своей смены в казарме. Много изменилось, но душок остался, и его было не истребить – это был запах профессии. Только по этому запаху Умка мог бы понять, что в купе зашли полицаи, и дождь,

накрапывавший еще при посадке на чистеньком перроне провинциального вокзала, не закончился.

Паспорт у Умки из рук взял прищелкивающий западенец, но тут же передал его южанину, а сам полез в сумку, которую Сергеев поставил в изножье. Второй пассажир, почтенный бородатый мужчина преклонного возраста, тоже достал документы для проверки и терпеливо ждал, пока до него дойдет очередь.

- Куда едете? - спросил южанин, стреляя глазами исподлобья.

- В столицу.

- Зачем?

- Отпуск у меня. Давно собирался посмотреть.

Украинский у Сергеева был неплох. Конечно, не хватало практики, но очень многие из тех, кто оказался в Конфедерации в момент Потопа и последующего раздела, говорили не лучше. Михаил и не скрывал свой российский акцент: во-первых, от чуткого уха разница в произношениях все равно не укрылась бы. А во-вторых, если даже один из полицейских не чисто говорит на мове, а чирикает по-птичьи, то почему другой гражданин Конфедерации не может позволить себе умеренный русский акцент?

- Надолго?

- На неделю. А что, собственно, произошло?

- Да, ничего... Государственная необходимость.

- Ну, да... - сказал бородатый. - Необходимость у них! Врываются посреди ночи, по вещам шарят...

- Да вы, пан, спокойнее... - огрызнулся западенец. - И до вас очередь дойдет! Сказали вам - надо!

– Да я понимаю, что необходимость, – согласился Сергеев. – Я чего спрашиваю... Может, я видел что? Может, могу быть полезным...

Южанин едва заметно улыбнулся, а один из штатских, стоящих за дверями сделал полшага, чтобы рассмотреть сергеевский профиль.

– Похвальное стремление... Кем работаете? – продолжил южанин.

– Я? – переспросил Сергеев на полном серьезе. – Коллектором в банке тружусь...

– Хорошая работа! Денежная! Правильно едешь, – одобрил прищелкивающий, отодвигая сумку. – Львов – красивый город! В нем есть где потратить деньги! Тут все чисто... Ваш паспорт!

Бородатый протянул ему карточку – паспорта у Конфедератов были по европейскому образцу, электронные. Тут вообще многое было по европейскому образцу, вот только граница между Польской республикой и Западно-украинской Конфедерацией по-прежнему была открыта только в одну сторону. И охранялась не в пример лучше, чем до Потопа.

Пока западенец рассматривал фото бородача, Сергеевский паспорт был передан штатскому в коридор, и слышно было, как сработал сканер – значит, пришедшие сверялись с основной базой СБ.

«Молодцы, подумал Михаил, быстро учатся. Интересно, я у Ромы в открытых файлах или под „флажком“?»

Второе было для Умки лучшим и более вероятным вариантом. Шалай, при всей его паранойе, своих от чужих отделял. Это ничего не значило бы в случае каких-нибудь враждебных действий со стороны Сергеева: тут бы Рома не посмотрел на совместное боевое прошлое, а размазал бы соученика ровным слоем по львовской брусчатке, но пока Михаил враждебности не проявлял, вполне мог рассчитывать на благоволение Романа Ивановича.

Со Стецкивым отношения были куда хуже и сложнее, с нынешним гетманом Сергеев познакомился еще в свою бытность замминистра МЧС в Киеве, и то, что пан Мыкола к базам данных СБ отношения не имел, наполняло сердце Умки

радостью. Имей пан Мыкола возможность вцепиться ему в горло – обязательно бы вцепился, тут и двух мнений быть не могло.

Паспорт Сергеева вернулся к южанину и от него попал в руки хозяина. Михаил аккуратно положил карточку в бумажник. Паспорт Конфедерации он купил не без косвенной помощи Ромы, но если участие в его судьбе всемогущего шефа гетманской СБ как-то повлияло на цену документа, то только в сторону увеличения.

Бородатый смотрел, как жандарм роется в его сумке, и качал головой, а тем временем сканер в коридоре снова зажужжал, и вторая карточка вернулась в купе. Жандарм прощелкал что-то вроде стандартного «Пробачьтэ, добродии!», южанин не без иронии пожелал спокойного сна и хорошей дороги, потом вся компания втянулась в коридор, словно дым в дымоход, мимо двери шмыгнул похожий на суслика проводник с бегаящими слезящимися глазенками. И Сергеев тут же услышал, как отъехала в сторону дверь соседнего купе.

Бородатый попутчик захлопнул дверь, едва слышно матюгнувшись и тут же перекрестил рот.

– Прости, господи! – сказал он уже по-русски. – Ну, сил моих нет! Уж сколько раз давал себе слово не обращать внимания на все эти окаянства, а не могу!

Он сунул руки в сумку, в которой еще недавно с упоением шарил чирикающий служитель порядка, и достал оттуда целлофановый пакет с грубой репродукцией известной всему миру картины нового гения украинского реализма Жоржа Кийко. Такие вот пластиковые сумки продавались теперь на каждом шагу, в них даже паковали товары в магазинах – исключительно с благородной целью воспитания национального духа!

Картина была нарисована с размахом, на полотне три с половиной на пять метров, и называлась длинно и патриотично: «Возмущенные украинцы прогоняют с родного села жида и москаля». На холсте были изображены мужчины в костюмах, взятых из костюмерной мастерской народного ансамбля украинской песни и пляски, все как один с оселедцами и длинными вислыми усами, да бабы в лопающихся под напором арбузных грудей «вышиванках» и широких «спидныцях» с орнаментом. На лицах представителей народа застыли гримасы благородного гнева, а в руках они держали орудия труда, как-

то – цепы, косы, вилы, а отдельные представители, которым орудий труда не досталось, были вооружены банальным дрекольем. Впереди них по грунтовой дороге пылили, перекошались, уже ощутившие на себе силу народного гнева пейсатый еврей в черном банкирском костюме да «чаплинском» котелке и, видимо, сбежавший из ансамбля русской песни и пляски москаль в кепке, косоворотке, блестящих, как самовар, сапогах и со следами пьяного угара на физиономии. В творчестве украинской «новой волны» все больше ощущались арийские мотивы.

Из пакета с патриотической картиной, из-за нежелания выставлять которую был уволен директор Львовского художественного музея, бородатый попутчик извлек пергаментный сверток, пахнувший курицей, целлофановый кулёк с солеными огурцами и литровую бутылку горилки «Справжня».

– Не откажи, мил человек, – попросил бородатый и с тоской глянул на бутылку. – Один пить не могу, не привык. А не выпью – не засну...

Курица пахла так, что Сергеев едва не захлебнулся слюной, поэтому ничего членораздельного не сказал, а проорчал что-то, призывно махнул рукой, и мановеньем ока на приоконном столике был накрыт импровизированный поздний ужин. Или завтрак. Нет, (Умка посмотрел на часы) половина второго ночи, все-таки – очень поздний ужин.

Пить попутчик умел, хоть и зачастил вначале, но более от расстройства души, чем из любви к водке. Мужика явно распирало от негодования и желания поговорить, но жизнь в Конфедерации не особо располагала к откровенным дорожным беседам. Начать исповедоваться можно было в купе, а закончить – в одном из многочисленных львовских или винницких казематов в качестве пациента.

Такие казематы и тюрьмами в прямом смысле-то не были, скорее близнецами некогда славного на весь СССР днепропетровского спецучреждения, в котором не так уж и давно не по своей воле принимали инъекции психотропных препаратов и серы украинские националисты, признанные советской властью психиатрическими больными. Но подобные аналогии СБ Романа Шалая не смущали. Он был настоящий государственный и любил доводить дело до конца. Особо стойких противников режима грузили в крытые машины (аналоги которых в истории обнаруживались без особых усилий), и приходили в себя вольнодумцы и болтуны уже за рядами колючей проволоки и минными полями.

Ничья Земля лечила от политической психопатии дешево и надежно. Процент выживших за первые три дня был настолько низким, что оставшиеся в живых серьезно задумывались над тем, была ли хоть какая-то польза от их гражданской позиции, или лучше было бы помолчать.

Бородатый краснел лицом, косился на дверь красноватым от недосыпа глазом и шепотом матерился, через раз крестя рот. Михаила вовсе не привлекала возможность выслушивать попутчика до утра, но нежное куриное мясо да чуть морщинистые бочковые помидоры, испускающие запах настоящих трав и специй, обязывали.

Заговорил мужик только тогда, когда они, прикончив и съестное, и водку, улеглись и потушили потолочный плафон. Поезд стучал колесами по стыкам, раскачивался вагон, на столике позвякивали стаканы, а из-под двери тянуло пыльным холодком, разбавлявшим спиртной дух в тесной каморке купе.

– Я к дочке еду, – сказал попутчик. – У нас с женой она одна. Были бы еще дети, кроме нее, – на хрен бы уехали отсюда...

Он подумал еще – говорить, не говорить, – и продолжил:

– Куда угодно. К восточникам, в Россию – все одно. Но она одна у нас, и жена без нее никуда не поедет. Она у меня женщина добрая, во внуках души не чаает... Как же жить, если ни внуков, ни дочи не видеть?

Сергеев знал, что между Восточно-Украинской Республикой и Конфедерацией официально не было даже дипломатических взаимоотношений (неофициальные были, да еще какие!), отношения Конфедерации с Россией сложились напряженные, и ездить в гости, пересекая многочисленные границы без особого труда, могли только такие отщепенцы, как он.

В основном, официальные консульские службы только и занимались тем, что отфутболивали просящего визу, используя любой повод. Эмиграция, как и в далекие советские годы, означала практически полный отрыв от семьи, друзей, родственников. Сантименты властями не поощрялись: «Едешь? Поезжай к чертовой матери, и чтобы мы тебя больше не видели!» Спасала отчасти сотовая связь, но звонки с входящим кодом страны потенциального противника

отслеживались, фиксировались, и неосторожный пользователь вполне мог проехаться до ко всему привычной психлечебницы.

- Что так трагично? - спросил Сергеев. - Ну, любит жена дочь? Что плохого? Перебрались бы поближе к молодым - что через всю страну ездить?

- Ага, - грустно рассмеялся бородатый. - Ждут нас там!

- Что, дочка удачно замуж вышла? - догадался Умка.

- Точно, - подхватил тон попутчик. - Удачно, мать твою... Удачнее некуда! За сотника! Блядь! За этого ряженого в синих шальварах (он так и сказал - шальварах!)- Такая себе здоровая падлюка с шаблюкою![14 - Шабля (укр.) - сабля.] Привела радость в дом! Гетманский сотник! Красавец х. ев! Ну, скажи мне, мил человек, почему бабы всегда так любят военных?

У Сергеева была своя версия по этому поводу, но он предпочел промолчать.

Бородатый помолчал, поезд притормозил, и Михаил даже расслышал, как сосед отрывисто вздыхает.

- Любовь у них, - произнес он с тоской. - Ч-у-в-с-т-в-о! Он только в дом зашел, а живем мы небогато, скривился и шарит глазом по углам - сразу вопрос: что за иконы? Что, в доме поп живет? А у жены отец до последних дней был священником в приходе и приход не УПЦшный.[15 - УПЦ - украинская православная церковь. Ее основные соперники в Украине - Церковь Московского Патриархата да польская ветвь Католической церкви.] Мой тесть - Ленкин дед то есть - поп московской церкви. То есть для этого сотника первейший враг. Как конфедераты пришли - церковь забрали, прислали своего попа. А прихожане тестевы остались, все, кто раньше был, и к нему в дом так и ходили, до самой его смерти...

- И что, власти не возражали?

- Из-за двух десятков стариков? Молодых-то было - раз, два и обчелся... Как-то приходил староста, просил по добру не крестить по московскому обряду да не отпевать. Пусть, мол, к новому священнику идут, правильному. Жандарм

приходил, посидел, помолчал, повздыхал, но он местный – водки выпил, на образа перекрестился тайком, как вор, да вышел... Считай, что не возражали...

– Так что сотник?

– Да ничего! Запретил дочке в дом к нам заходить! А эта дура только знай, что головой кивает, мол, слушаю и повинуюсь!

– Идеальный!

– Точно. Я таких еще при советской власти помню: маму и папу за идею продать готовы.

– Ну, положим, это все началось задолго до советской власти! – возразил Сергеев. – И не только маму с папой продавали. Была бы идея... Да и это совсем не обязательно, и без идеи можно.

– В общем, познакомились! Эта телушка за ним поехала, во Львов, он там на границе служит. А мы с женой, значит, остались здесь. Ее к нам – ни ногой. Нам иногда разрешается, мол, родная кровь! Но не более трех дней гостить... Внуки по-русски ни слова! Дочка думает в католический обряд перейти, потому что ее муженек возомнил себя потомком гордых шляхтичей, выправил себе бумаги на двойную фамилию, такую, что я и выговорить не смогу, и всем теперь рассказывает, что он не карпатский крестьянин, а польский дворянин.

Все одно и то же, подумал Сергеев, вспомнив московскую сутолоку возле реставрированного здания Дворянского собрания.

Вечером в Собрание съезжался самый разный народ, и ни дорогие авто, ни шикарные наряды и драгоценности дам, не могли скрыть, что предки этих новых дворян благополучно чистили конюшни и грабили торговый люд на большой дороге. Сам Сергеев тоже родился без серебряной ложки во рту, но глядеть на эту ярмарку тщеславия не было никаких сил. На десяток нуворишей, купивших себе титул, едва можно было найти одного с настоящей родословной. Блестели расшитые мундиры, сверкали настоящими бриллиантами поддельные ордена, манерно смеялись расфуфыренные дамы с повадками вчерашней лимиты, чинно вышагивали рядом со свежеиспеченными князьями да баронами вчерашние девочки из предместий, проторившие себе путь на столичные подмостки и

рвущиеся выше, подальше от крошечных съемных квартир на окраинах, соевых сосисок да пахнущих мочой и потом танцевальных залов.

Стада ярких, как тропические цветы, суперкаров, принадлежащих высшему московскому свету, заполняли переулки внутри Садового кольца. «Ламбы»[16 - «Ламба» - уменьшительное от марки «Ламборджини».] и «Феррари» теснились возле подъездов сказочно дорогих ночных клубов, где потихоньку играли по маленькой, (Крутов азартных игр не любил и выгнал казино в депрессивные зоны страны, и, как выяснилось, не прогадал: и стране и бизнесу хуже не сделалось), курили и нюхали тайком (страшно, конечно, но не в Южном Бутово, не расстреляют!) да трахались все и со всеми без малейшего страха и стеснения - благо, вакцина против СПИДа снова сделала секс безопасным.

Такие же клубы, окруженные точно такими же машинами, Сергеев видел в столице Восточной республики - славном граде Донецке: мундиры, звезды орденов, затянутые в блестящий капрон ноги, набитые силиконом декольте, люди в смокингах в окружении полуобнаженных дам, смеющихся неприятным, визгливым смехом, пьяные компании у подножия Железной Розы, «Кристалл», пьющийся из горлышка...

И такие же «новые дворяне», говорящие на нечистом польском, в несколько иных мундирах, украшенных другими наградами, беспробудно пьянствовали в клубах древнего Лемберга[17 - Лемберг - старое досоветское название Львова.] - под хохоток местных дам и тихий матерок простого люда.

Английский газон не вырастить за три поколения, подумал Михаил, и за пять не вырастить. Возможно, но вовсе необязательно, правнуки тех, кто сейчас покупает себе титулы, станут родоначальниками некой новой традиции.

Как когда-нибудь станут настоящими воинами Израиля русские солдаты Равви Бондарева, придумавшего растерянным и лишившимся родины людям новую цель, новую Землю Обетованную.

Как станет настоящей Империей изрыгающая из себя «совок» Россия.

Как снова станет частью Речи Посполитой Западная Конфедерация.

Как постепенно забудет о своей нынешней искусственной федеративности Восточная республика и снова станет просто Россией.

Все изменяется и не изменяется ничего. История – это бочка, которую ставят с головы на ноги и с ног на голову. Все что было – уже было, и все что будет – уже было. Но куда деть те тысячи квадратных километров – зараженных, изуродованных, непригодных к жизни на сотни лет вперед – и десятки тысяч людей, которые все-таки прижились на них? Как забыть о Зоне Совместного Влияния? Об опухоли, о новообразовании, изуродовавшем стройную картину циклически развивающегося мира? Где аналог тому, что произошло? Содом с Гоморрой? За какие грехи? Армагеддон? Какие силы сошлись в противоборстве? Нагасаки и Хиросима? Трагедия другого масштаба...

Что можно объяснить попутчику? Посоветовать ему смотреть на жизнь проще: дочь – это отрезанный ломоть, чего удивляться? Объяснить, что его зять – не обыкновенная скотина, а некая мелкая знаковая фигура, исторический вектор в стиранных подштанниках? Что сосед по купе становится свидетелем рождения новых элит, а не объектом нападков простого хама? Так для него они не элиты, а плесень, разросшаяся на развалинах его бывшего дома! Что можно рассказать, что объяснить человеку, заставшему прошлый мир и прожившему в нем большую часть жизни? Ничего. И я не стану ему врать, что все это временно и не навсегда. И утешать не стану. Потому, что это не временно. Это действительно навсегда. Новая ступень развития – ведь после катаклизмов всегда образуются новые формации – это как защитная реакция организма на месте поражения тканей. Правда, строятся эти формации из таких материалов, что потомкам лучше не знать, но все-таки строятся. Это же не Африка. Не геноцид, ставший образом жизни – просто обстоятельства так сложились, что нескольким миллионам человек пришлось умереть в одночасье. Геополитические обстоятельства, вполне объективные. Страшно, наверное, когда целая страна исчезает по принципу: «Так не достанься же ты никому!», но к тому все шло, потому что страна – это не территория. И даже не народ плюс территория. Страна это еще и умение живущих в ней граждан выдвинуть наверх, на капитанский мостик, лучших – разумных, практичных, умеющих договариваться, в меру вороватых, понимающих различие между тупым «шароварным» патриотизмом и настоящей любовью к Родине! А не ту зловонную пену временщиков, в которой страна и захлебнулась насмерть и из которой сейчас начнут «прорасти» новые избранные.

Сергеев почувствовал, что водка становится просто водой, что легкий хмель, окутавший виски от нескольких рюмок, выпитых на голодный желудок, исчез, как и не было его.

Вагонные колеса стучали на стыках, в стопках плескалась патриотичная до «не могу» горилка, трясся мелко густой куриный жирок в разорванной птичьей груди, за стеклами проносились скупое освещенные перроны небольших станций.

Поезд шел на Львов.

В Хмельницком, когда Михаил с захмелевшим соседом вышли покурить на платформу, к вагону прошествовали двое, но не вошли вовнутрь, а стали осторонь: закурили, поглядывая из-под полей филерских шляп, и остались стоять в отдалении, делая вид, что непринужденно беседуют. Мелкого сложения проводник, тот самый, что водил патруль по вагону, так и замер возле ступеней, натирая до блеска ручку откидной площадки несвежей тряпкой. С виду происходящее его тоже не касалось.

Значит, Рома сообщение получил, с облегчением подумал Сергеев, и на всякий пожарный решил приставить ко мне филеров. Хотелось, конечно, прибыть во Львов инкогнито и самому решать, видеться с Шалаем или нет, да не судьба. Но и не самый плохой вариант. Мне-то что? Я же не львовскую Оперу взрывать еду, мне как раз Рома и нужен, если честно говорить. Неплохо было бы отыскать ему альтернативу по эту сторону границы, но на сегодня альтернативы нет. И не предвидится: больно уж Роман Иванович все стройно выстроил.

Быть серым кардиналом при слабом короле – это то, о чем Рома мечтал с самого детства. Стецкив, конечно, тоже фигура, но так уж получилось, что кругом должен. Полякам – за то, что державу вручили. Россиянам – за то, что державу не отобрали. И, что самое главное, Шалаю, который всю кухню организовал и внимательно приглядывает за тем, чтобы у новоявленного гетмана власть из зубов не выхватили. Потому что охочих до власти много, а свободных земель для самореализации не осталось. И тот, кто хочет порулить отдельной страной, должен ехать подальше. В Африку, например, а в Конфедерации ему делать нечего.

Амен.

И с этим рекомендуется смириться. А для непонятливых есть Роман Иванович и его опричники, есть отряды национальной самообороны, есть какая-никакая, но армия, пусть к войне с внешним противником неспособная, зато вполне пригодная для того, чтобы внутри страны не допустить изменения «status quo».

Филеры поднялись в вагон сразу за Сергеевым и его попутчиком. Сюда по звукам, проводник устроил их в одном из купе вначале коридора, пустующем от самой Белой Церкви.

– Видал? – спросил сосед, кивая в темный проем дверей. – Два красавца! Давно во Львове не был?

Сергеев кивнул.

– Во! Тогда насмотришься! Ух, рожи мерзкие, спесивые! Патрули ходят – сичевой, куренной, сотник, мать бы их поперек! Шаровары, сабли по полу волочатся! Попробуй только на мове не говорить – забить не забьют, но депортируют точно, вместе с ансамблем! Мне говорили, – тут он даже перешел на шепот, – что там теперь даже тайные кружки есть! Ну, чего улыбаешься! Есть, я уверен! Для изучения русского языка... А в здешних газетах пишут, что в Восточной республике тайно преподают украинский...

– Не думаю, – веско заметил Сергеев. – Хотя утверждать не берусь. Все достаточно сложно. Я, во всяком случае, о такой тяге к языкознанию на левом берегу Днепра никогда не слышал. И в русских лингвистов в достославном «мясте Лемберге» тоже верю мало, но не исключено, не исключено...

И тут до соседа дошло.

– Так это они... Они за тобой, что ли, увязались?

Хмельной – не хмельной, а «соображалка» у попутчика работала отлично. Сказывались годы, прожитые во враждебном окружении. Уж что-что, а интуицию постоянное чувство опасности развивает донельзя. Сергеев был уверен, что паранойя людям его профессии – друг и брат, и ничто так не помогает выжить, как постоянная тревога за собственную жизнь.

- Похоже...

Попутчик враз сделался бледен лицом и потлив телом – купе наполнилось кислым запахом страха.

- Слушай, друг, – сказал он просительным тоном. – Может, я куда перейду? Или ты в другое купе перейдешь? Нет, все-таки, давай я... Мне с властями ссорится никак нельзя! Мне без надобности знать, кто ты и чего натворил – дело твое... Но если меня заберут, то зятек выручать не бросится... Понимаешь?

Глаза у соседа бегали.

Он ухватил за ручку лежащий под полкой чемодан и принялся дергать, пытаясь выдрать его наружу, но чемодан застрял, и попутчик покраснел от натуги, жалко заулыбался одной половинкой рта, но попыток не прекращал.

Сергееву вдруг стало за него стыдно. Крепкий, сильный мужик «поплыл» безо всяких причин, если не считать поводом несколько нелюбезных фраз, сказанных им о нынешней власти в личной беседе с малознакомым человеком. Можно было представить себе, как бы вел себя попутчик, попади он под реальную раздачу, например, на допрос к шалаевским ребятам.

А ведь он не их боится, подумал Михаил, разглядывая соседа с любопытством и брезгливостью, он меня боится. Боится, что меня заберут, а я начну рассказывать, ЧТО он мне говорил и как он власть не любит. Эх, парень, парень... Как же ты живешь с сердцем в пятках? Как же можно всю жизнь так бояться? Или, все-таки, можно? В России дрожат перед Крутовым и его жандармами. За шутку в адрес его величества можно загудеть в Сибирь или на Север. Если шутить постоянно, то новый адрес будет уже на Ничьей Земле – не любят в 4-ом управлении умников с извращенным чувством юмора. В Конфедерации боятся опричников Шалая – они ребята ушлые, врагов находят везде, где начальство прикажет. Эти, правда, в Сибирь не пошлют, но так устроят, что мало не покажется. И сливают они идейных врагов туда же, куда и крутовские соколы. Только на Ничьей Земле никого не боятся. Отвыкли уже бояться.

Сергеев перестал сверлить попутчика глазами и улегся на полку, поудобнее положив под голову подушку. В ответ на движение сосед замер, так и не

отпустив ручку чемодана, наклонившись вперед, красный, потный, с выпученными от натуги глазами.

Сергеев поворочался, стащил с полочки для мелких вещей купленный в Белой Церкви детективчик в мягкой обложке и уставился в текст невидящими взором.

- Так я пойду? - снова спросил попутчик заискивающе.

Михаил посмотрел на него, будто бы видел первый раз, и кивнул.

Сосед наконец-то вырвал из-под полки чемодан, но тут же второпях застрял плечом под столиком, закричал, неловко поворачиваясь.

- Курицу только забери, - сказал Сергеев в согбенную спину. - Чтобы не пропала, не дай Бог!

Это было сказано обидно и, возможно, несправедливо по отношению к малознакомому, битому жизнью человеку, но сказать иначе Сергеев не мог. Попутчик вздрогнул плечами, и все равно не оглянулся, вытаскивая поклажу наружу.

Разъятая курица так и осталась лежать на откидном столике, рядом с пустой бутылкой водки и нарезанным соленым огурцом.

Новую породу выводим, подумал Умка, прикрыв глаза ладонью. Называется «человек пугливый, современный»... В процессе эволюции пугать научились здорово, есть настоящие таланты. А то, что в результате измельчаем, так это для власти даже лучше. Безопаснее. Впрочем, почему порода новая? Еще в прошлом веке, начиная с 20-х стада бродили, просто после развала Союза страх потеряли, и вот теперь все быстренько вспомнили. Эта память до конца не выводится, она генетическая. В нашем случае новое - это слегка подзабытое старое.

Он почувствовал движение воздуха и решил, что бывший сосед по купе вернулся за недоеденной птицей, но на низкой полке сидел один из давешних филеров - аккуратненький, как первоклассник-зубрила, с прилизанными, словно набриолиненными, волосами и близко посаженными круглыми, совиными

глазами. Будь у него вместо малозаметного тонкого носа массивный ноздреватый клюв, и перед Сергеевым сидел бы натуральный филин, а так получился не филин – настоящее недоразумение, не тянущее даже на совенка.

– Здравствуйте, Михаил Александрович, – поздоровался он на русском и пригладил рукой безукоризненно лежащие волосы.

– Чем обязан? – спросил Сергеев, решив не пререкаться из-за имени, стоявшего в паспорте. Было и так понятно, что всё ребятушки уже знают, пробили по базе фотографий после получения скана, сопоставили – благо, компьютерные программы распознавания у них есть, поляки постарались. Интуиция не подвела

– Роман Иванович таки отправил на всякий случай комитет по встрече.

– Его превосходительство полковник Шалай передает вам привет, и поручил нам сопроводить вас до Лемберга со всем почтением.

– Так вы мои телохранители, что ли? – усмехнулся Сергеев.

– Так точно, Михаил Александрович, – легко согласился Совенок. – Телохранители. Времена беспокойные. Его превосходительство за вас переживает – мало ли что может произойти в дороге?

– Его превосходительство заботливое, – сказал Умка серьезно. – А по приезде, конечно, Роман Иванович ждет меня у себя?

– Несомненно, Михаил Александрович! – Совенок иронии не почувствовал или почувствовал, но не показал виду. – Его превосходительство пригласил вас позавтракать. Вас будет ждать машина.

– Мои планы его превосходительство не волнуют?

– Трудно сказать. Обычно его превосходительство очень заняты. Даже во время завтрака.

– То есть – мне оказана честь?

Совенок не ответил, только чуть склонил голову, что должно было означать согласие.

- Ну и хорошо... Хоть позавтракаем со старым знакомцем.

- Распоряжения, Михаил Александрович? Пожелания? Я смотрю, ваш сосед помещение освободил? Может быть, ужин? Или желаете попутчицу?

Совенок улыбнулся краешком узкогубого рта.

- И как далеко могут простираться мои желания? - осведомился Сергеев.

- Фактически безгранично, - ответил гость, не мигая. - В разумных пределах, разумеется...

- Хороший русский. Без акцента. Что ж так непатриотично?

- Так мы с вами коллеги, Михаил Александрович. Из одного ведомства. Я родом с Украины, но всю жизнь за Уралом проработал, по нашей части. Недавно переехал. Мне на русском удобнее, но если хотите...

- Не хочу, - отрезал Сергеев. - Отдыхайте... Вы кто по званию?

- Штабс-капитан, Михаил Сергеевич. Штабс-капитан Овсиенко. Со мной поручик Штанько.

- Вот и отдыхайте со своим коллегой.

- Спасибо, Михаил Александрович.

Он не сказал «слушаюсь» или «так точно», четко обозначив позицию - для них Сергеев был частным лицом, «штафиркой», к которому по прихоти начальства надо было относиться уважительно, забегая дорогу, но приказы начальство - и штабс-капитан Овсиенко вместе с поручиком Штанько сделали бы из него отбивную. Во всяком случае, попытались бы сделать. Ротмистры Краснощеков и Щечков уже пытались. Вспомнив своих московских визави, Умка внутренне ухмыльнулся. Интересно, научится ли моя бывшая Контора приглашать к себе в

гости без пары головорезов? Или у них так принято?

– Отдыхайте, штабс-капитан, отдыхайте. Обо мне можете не беспокоиться, никуда не денусь.

Совенок опять склонил голову в знак согласия – мол, никуда не денешься, знаю, – и встал.

– Курицу уберите, – сказал Сергеев. – Отдайте тому, кто со мной ехал. Он будет рад.

Однако, я мстителен, подумал Умка.

– Сделаем, – пообещал Овсиенко, сгребая со стола птичьи останки вместе с высокохудожественным кульком. – Спокойной ночи, Михаил Александрович.

– И вам, – ответил Умка. – Сладких снов, пан штабс-капитан.

Филер вышел, прикрыв за собой дверь.

Михаил прикрыл глаза, щелкнул выключателем (под потолком замерцал голубым неверным светом ночник) и погрузился в дрему. Покалывало в боку, но Сергеев лишь сменил позу, рассчитывая, что под ребрами угнездилась невралгия – мало ли где могло протянуть? Перед переходом границы он почти час пролежал неподвижно под мелким, холодным дождичком – ждал, пока уберется патрульный автомобиль, так что могло еще и не так болеть, причины были.

Под утро дало о себе знать выпитое, Сергеев, проклиная сухость во рту, осушил полбутылки минералки и встал в туалет.

И тут его скрутило.

Он вцепился в ручку дверей и медленно, стараясь не упасть, нащупал полку и только потом осторожно сел, не в силах дышать. Боль кольцом охватила поперек груди, и Умка не мог понять – раскалено или мертвенно холодно это сокрушающее объятие. Беспощадная, сильная рука клонила его набок,

застоявшийся в легких воздух выдавливался тонкой струйкой, со страшным, мучительным сипением.

А потом, в один миг, все кончилось.

Михаил задышал, как запыхавшийся пес, и понял, что впервые за много лет смертельно напуган. Пережив несколько секунд приступа, он, не раз и не два смотревший в лицо почти неминуемой смерти, успел вспотеть так, что лицо стало мокрым, как после умывания, а белье прилипло к телу.

И успел испугаться.

Это было страшнее, чем пуля, просвистевшая у самого виска. Значительно страшнее. Потому что никакой пули не было, а было нечто в его плоти, внутри него самого, и это нечто только что едва не убило свою оболочку. И не было никакой возможности увернуться, ускользнуть или спрятаться. Внезапно изменившее ему тело все еще дрожало, приходя в себя. Сердце судорожно качало кровь, легкие втягивали в себя воздух – Сергеев без сил опрокинулся на бок. В туалет хотелось нестерпимо, но встать Умка боялся, несмотря на боль в мочевом пузыре.

Только спустя несколько минут он решился сесть, а потом медленно поднялся и прислушался к своему организму. Все было как обычно. Никаких признаков того, что случилось с ним недавно. Немолодой, сравнительно здоровый мужчина. К желанию помочиться добавилось сильнейшее желание закурить – организм хотел погасить стресс. Сергеев вышел в коридор. Дверь в купе филеров была приоткрыта, и Умка точно знал, что из темноты за ним следят глаза одного из сопровождающих. Роман Иванович ему доверял, но не настолько, чтобы оставить без присмотра.

Вагон был спальный, и люди в нем ездили все больше непростые, но в туалете все равно пахло Родиной – запах мочи и хлорной извести не мог заглушить даже освежитель воздуха. Сергеев опорожнил звенящий от напряжения мочевой пузырь, помыл руки и посмотрелся в мутноватое зеркало над умывальником. Отразившись в тонкой пленке амальгамы, на него глядел пожилой мужчина резкими чертами лица, с обветренной, грубой кожей и темными, печальными глазами. До старости этому мужчине было еще далеко, но прожитые годы оставили на этом человеке отметины и отпечатки не только в виде шрамов и

седины, обильно закрасившей некогда темные волосы.

У меня взгляд старика, отметил Сергеев хладнокровно, все потери, разочарования и горести записаны на нём, и их не спрячешь под веками. Так звуки на исцарапанном виниле всегда отчетливо различимы, несмотря на треск и шорохи, оставленные годами. Черт с ними – с сединой и морщинами – у меня взгляд древней черепахи. Четырехсотлетней черепахи, всё повидавшей в жизни.

И эти круги под глазами... Сердце. Однозначно – сердце. Надо будет показаться. Очень не хотелось бы сдохнуть где-нибудь под кустом от инфаркта или приступа стенокардии. А ведь если прихватит – «скорую» не вызовешь...

Он плеснул себе в лицо прохладной, отдающей железом водой и вытер его бумажным полотенцем.

И что посоветуют доктора? Покой? Не волноваться? Не перегружать себя? Не пить, не курить, правильно питаться? Холестерина, например, поменьше... Интересно, а в тушёнке со склада, который закладки 1984 года, холестерина много? Или в самый раз? И сколько радиоактивных изотопов содержалось в мясе и костях той косули, которую я застрелил три дня тому? И, кстати, что у нас там со стойкими химическими соединениями? Если так, как со всем остальным, то врачам можно и не показываться... Хотя нет, все-таки зайду. Может, хоть таблетки какие – все лучше, чем ничего... Какой идиот сказал, что все, что не убивает, делает нас сильнее?

Львов встретил поезд проливным дождем, неровной брусчаткой по дороге от вокзала, раскрытыми зонтами и дребезжащими звонками трамваев на запруженных машинами мокрых улицах.

Черное авто с мигалками за десять минут донесло Сергеева до здания СБ. Штабс-капитан Овсиенко, сопровождавший Умку от вокзала, небрежно махнул удостоверением при входе, пропуская гостя впереди себя, с помощью электронной карточки распахнул двери на второй этаж – тут им пришлось пройти через рамку металлодетектора и далее по узкому, как глотка, коридору до входа в приемную – и сдал Михаила на руки шалаевскому референту, улыбчивому молодому человеку эстрадной наружности.

Референт проводил Сергеева в кабинет, где он сходу угодил в объятия Романа Ивановича Шалая. Объятий в прямом смысле, конечно, не было. Даже в годы совместной работы особой дружбы между Сергеевым и Шалаем не наблюдалось, были ровные отношения, где-то между приятельскими и безразличными.

Уже в те времена Рома склонялся в сторону работы в контрразведке, а Умка торил себе путь полевого агента, оперативника, а это, для тех, кто понимает, говорит о совершенно разных жизненных принципах. Жизнь еще несколько раз сталкивала бывших однокашников после учебы, и никто из них не вынес из этих контактов отрицательного опыта, наоборот, отношения стали лучше, чем были. И в момент, когда случился Потоп, и Шалай внезапно всплыл при новом правительстве Конфедерации в качестве серого кардинала и главы всесильной СБ, Сергеев даже обрадовался. При всех малоприятных особенностях характера Роман Иванович был человеком, с которым можно договориться или, по крайней мере, попытаться договориться.

Рукопожатие у сублильного, похожего на белку, Шалая, было крепким. Он немного раздобрел за те годы, что Умка его не видел (наверное, сказывался сидячий образ жизни), но не оплыл, а, скорее заматерел. Для мужчины за пятьдесят он выглядел просто отлично, только острую, вытянутую вперед мордашку покрыла сеть глубоких морщин. Зато зубы Роман Иванович себе исправил: исчез беличий прикус, и от этого лицо стало выглядеть значительно суровее.

– Ну, здравствуй, Миша, – сказал Шалай и жестом указал на кресло возле столика, на котором был накрыт завтрак. – Присаживайся. Давно не виделись...

– Давненько, – подтвердил Михаил. – Я смотрю, у вас нововведения... Сканеры на границе, мобильные интернет-терминалы!

– Учимся помаленьку... А что, понравилось?

Шалай улыбнулся, явно не без намерений продемонстрировать безукоризненную линию зубов.

– Впечатляет. Особенно скорость реакции...

– Приятно слышать. Особенно от тебя. Угощайся, – предложил Роман Иванович, – и я с тобой перекушу, сегодня даже спал в кабинете.

– Случилось что?

– Да. А ты не слышал?

– Ну, у нас там особо радио не слушают. Да и последние сутки я возле границы по кустам лежал. Едва отмылся потом на квартире...

– Что, мои лучше стали охранение нести? – спросил Шалай, хитро прищурившись.

– Если честно, то нет, Роман. Просто нарвался на патрульный автомобиль. Пришлось ждать.

– Ну, значит, будем улучшать боевую подготовку!

– Это на здоровье. Погранцы – это твое ведомство?

– Тут всё – мое ведомство, – сказал Шалай серьезно. – И не сомневайся.

Он взял с блюда хорошо прожаренный тост и принялся намазывать на него масло.

– Какими судьбами к нам, Миша?

– Хочу кое с кем встретиться. Это раз.

Сок в стаканах был свежеотжатым, в меру холодным, из любимых Сергеевым сицилийских апельсинов. Не то, чтобы Шалай мог озаботиться вкусами гостя (хотя возникни необходимость – и Рома вытащил бы любую информацию из самых тайных источников), а просто так сложилось.

– А что «два»?

- Зайти к себе в банк.

- Лекарства?

- Прежде всего - да.

- Ко мне вопросов не было?

- Был один.

- Понято. Иначе бы - зачем во Львов тащиться? А ты приехал... Задавай.

- Мне нужно купить партию оружия. Конкретно снайперские винтовки и нестандартные боеприпасы.

- Много?

- Нет.

- Источник тот же?

Сергеев знал, что вся нелегальная торговля оружием замыкалась на шефа СБ и приносила ему немалые барыши. Роман Иванович знал, что Умка об этом знает, но, несмотря на то, сохранял иллюзию непричастности.

Сергеев ухмыльнулся, и спросил не без ехидцы:

- А что, кроме твоих людей, кто-то может продать натовские патроны?

- ООНовцы могут, - спокойно парировал Шалай.

В свое время ООНовцы, конечно, пытались организовать себе приработок, но потерпели фиаско, понесли денежные потери и сдались на милость победителю. Их канал тоже контролировал Шалай.

– У меня с ними отношения не сложились, – заметил Сергеев флегматично, сооружая себе сандвич. – Несерьезные ребята. За ними кто-то явно стоит!

Первый день приезда всегда был пиршеством вкуса. Съеденная в поезде курица да дохлые бутерброды на вокзале в Белой Церкви не могли испортить впечатления от настоящей пармской ветчины, ароматного польского сыра и восхитительно нежных тостов с золотистым маслом.

– Миша, ты мне сказки не рассказывай. Я о твоих запасных вариантах все знаю.

А я о твоих, подумал Сергеев, а в слух произнес:

– Мне пока запасные варианты без надобности. С тобой мне удобнее. Хотя, хотелось бы подешевле.

– Со мной тебе спокойнее. Представь, что у нас не сложилось, и я за тобой гоняюсь!

Сергеев рассмеялся.

– Нет, Рома, лучше дороже, но чтобы ты за мной не гонялся. Тут и двух мнений быть не может.

– Вот и хорошо... – протянул Шалай удовлетворенно.

– Так что у тебя стряслось? Не зря же ты на границе такое мелкое сито поставил?

– В Тернополе губера завалили, – произнес Роман Иванович недовольно. – Я предупреждал Стецкива, что с этим пидором будут проблемы, но ты же знаешь – он меня слушается через раз.

Тут Шалай явно скромничал. Слухи о том, что гетман без советов начальника СБ даже с женой не спит, циркулировали давно и, скорее всего, говорили о том, что пан Стецкив почти все время занимается тем, что более всего любит: охотой, рыбалкой да хористками из львовской оперы. Так что тернопольский губернатор, конечно, мог быть креатурой Стецкива, но уж никак не без ведома шефа

контрразведки.

И Роман Иванович разъяснил ситуацию с убийством, так, как он себе ее представлял.

– Вот, значит, как... – протянул Сергеев.

– Да уж... Ничего приятного нет.

– Разлагаетесь, значит, потихоньку...

– Хреновая шутка, – сказал Шалай, кривясь. – Сидишь там у себя в зверинце, дичаешь, а приезжаешь сюда – начинаешь мне темя выедать. Тебе хорошо говорить, у тебя там педерастов нет, не выживают, а у меня их – как собак нерезанных.

– А у нас там, вообще, мало кто выживает, Рома, не только они. Знаешь, друже, я бы с тобой местами поменялся бы на недельку, так для примера, и ты бы понял, что педерасты – это еще не самое страшное, что есть в жизни...

– А я бы с тобой не поменялся, Миша, – передразнил его интонации Роман Иванович. – Потому что при мне мои пидоры пискнуть боятся, а при тебе, с твоими анархическими взглядами за неделю так разболтаются, что на улицах шествия будут устраивать.

– За что же ты так меньшинства не любишь? Как-то это все не демократично, Роман Иванович, не по-европейски...

– Ехидничаешь? – осведомился Шалай недоброжелательным тоном. – Нехорошо.

Сергеев знал, что Роман Иванович не любит не только сексуальные меньшинства, но и критику (особенно не нравились ему упреки авторитарности установленного им режима) и может реагировать на нее неадекватно. Случаи такие бывали, и о них становилось широко известно – не по недосмотру бывшего соученика, а с его полного одобрения. Ничто так не способствует укреплению авторитета, как страшный слух, передаваемый шёпотом. Романа Ивановича даже в кулуарах, за глаза, бранить побаивались и при этом называли либералом

и демократом, что еще раз доказывало тезис Мангуста о том, что репутацию формируют не обласканные друзья, а перепуганные насмерть враги.

– Все, Роман Иванович! – Сергеев шутливо поднял руки вверх. – Все! Закрыли тему!

– Закрыли, – согласился Шалай. – Я думаю, что пусть эта дрянь открыто по Варшаве ходит, а наш город позорить нечего.

Ага, подумал Михаил, а в Тернополе пусть в генерал-губернаторских креслах сидят! И должность подходящая и, вообще, самое место!

Шалай молча доел тост с мармеладом, поставил на блюдце пустую чашечку из-под кофе и, пожевав губами, спросил:

– Как я понял, ты ненадолго?

Сергеев кивнул.

– От силы на недельку. Тут даже больше от тебя зависит.

– Я не задержу, – пообещал Роман. – Буду рад с тобой еще поболтать, если выдастся минута. Выпить по рюмочке, старое вспомнить...

Оценив сказанное, как намек, Сергеев принялся подниматься, но Шалай предупреждающе поднял руку, предлагая собеседнику остаться.

– Погоди, Миша, есть еще разговор... Ты ведь не спешишь?

Можно подумать, что это что-нибудь меняет, подумал Умка и покачал головой. Спешить было действительно некуда. Четвертьчасовой разговор с шефом гетманской СБ практически решил все вопросы. Было уже понятно, что сделка состоится и даже «окно» на обратный путь Шалай ему обеспечит. Негласно обеспечит, без лишних телодвижений – просто в нужный момент пограничники или ПВОшники будут смотреть в другую сторону. А если что-то в отношениях с Шалаем у Сергеева пойдет не так, то... Об этом было лучше не думать. Однокашник мог в любой момент стереть Умку из реальности с той же

легкостью, что ребенок смахивает ластиком ошибочно проведенную карандашом линию.

– Для тебя не секрет, что я поддерживаю с некоторыми спецслужбами Империи и Восточной республики неформальные отношения? – начал Шалай и Сергееву показалось, что он делает над собой некоторое усилие. Разговор явно не доставлял шефу контрразведки Конфедерации никакого удовольствия.

– Не секрет, – сказал Умка, не кривя душой.

Отсутствие дипломатических отношений между конфедератами и «восточниками» вовсе не мешало общению профессионалов. Конфедерация не признавала самого факта существования Восточной республики, Восточная республика отрицала существование Конфедерации. Европа, признавшая Конфедерацию в течение суток после ее торопливого провозглашения, до сих пор не могла решить, признавать или нет Восточную республику, признанную Российской (тогда еще) Федерацией в ночь ее образования.

Все было сложно, но для бывших коллег, прочно оккупировавших коридоры власти в силовых структурах, сложностей не существовало. Границы, названия, конституции и хартии были для профессионалов пустым звуком. Никакие выпускники Лиги Плюща не могли сравниться по согласованности действий с воспитанниками школ КГБ СССР – личные взаимоотношения тут играли минимальную роль. Основной упор делался на ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ к клану, и те, кто об этой принадлежности забывал, обычно плохо заканчивали. Сергеев, который когда-то начал играть по собственным правилам, отдавал себе отчет, что не случись Потопа и всего того, что пришло вслед за ним, не измени он в свое время линию поведения, не наладь разорванных некогда отношений с бывшими коллегами и шефами – быть ему изгоем, которому никто не протянет руку помощи. А, скорее всего – быть просто мертвым: возможностей отправить его «под лед» у коллег было навалом. Шалай жил по тем же правилам. Не потому, что хотел, а потому, что иначе жить было нельзя. Во всяком случае, если хочешь выжить.

– Мы провели несколько интернет-конференций в режиме закрытого канала, – продолжил Роман неторопливо. Он достал из настольного хьюмидора[18 - Хьюмидор – ящик для хранения сигар при постоянной влажности и температуре.] сигару и жестом предложил Сергееву угощаться. – Потом мне пришлось слетать в Москву. Невелико удовольствие, особенно когда нужно

лететь инкогнито, через Вену. Да и не люблю я бывшую столицу нашей родины. Шумно там. Людей слишком много. Но пришлось. Как сам понимаешь, от таких предложений не отказываются.

– Понимаю, – подтвердил Умка, срезая у сигары кончик. Сигара была настоящая, кубинская. С тех пор, как на Кубу вернулись американцы, кубинские сигары дорогих сортов можно было купить сравнительно свободно. Были бы деньги.

– Скажи мне, Михаил Александрович, – спросил Шалай, окутываясь облаком сиреневатого дыма. – А тебе в последнее время ничего не показалось странным?

Он хитровато прищурился и в тусклом свете дождливого утра, пробивавшегося сквозь высокие окна в полумрак вельможного кабинета, стал чем-то похож на Мангуста. Сходство было практически неуловимым – некие ускользающие детали: поворот головы, зависшая над подлокотником кресла рука, сжимающая истекающий дымком цилиндр сигары... Потом освещение изменилось, сходство исчезло...

А непонятный вопрос остался.

– Прости, Рома, – спросил Сергеев осторожно. – А что именно должно было привлечь мое внимание? Понимаешь ли, – предварил он вопрос собеседника, – в месте, которое я имею счастье называть своим домом, происходит очень много странных вещей. Например, в прошлом году я видел две вспышки странных, необъяснимых болезней. Тебе докладывали о «мяснике»?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Мотик» – мотодельтаплан.

2

Сергеев перефразирует знаменитую цитату царя Соломона: «Во много мудрости есть много печали, и, умножая знания, ты умножаешь скорбь».

3

«Столыпинский вагон» – спецвагон, использовавшийся в царской России, СССР и постсоветских государствах для перевозки заключенных на большие расстояния по ЖД.

4

НЛП – нейролингвистическое программирование.

5

ВПП – взлетно-посадочная полоса.

6

«Джамбо» – сленговое название транспортника С-130.

7

Тангаж (фр. tangage – килевая качка), поворот или раскачивание летательного аппарата вокруг поперечной горизонтальной оси (когда нос опускается вниз, или поднимается вверх). Угол этого вращения называется углом тангажа. Это один из трёх углов (крен, тангаж и рыскание), соответствующих трём углам Эйлера, которые задают наклон летательного средства относительно его центра. По отношению к морским судам используется термин «дифферент» с таким же значением. В авиации различают тангаж с увеличением угла (когда нос поднимается вверх) – кабрирование и тангаж с уменьшением угла (когда нос опускается вниз) – пикирование.

8

Глиссада – окончательная прямолинейная траектория, высчитываемая пилотом, обеспечивающая оптимальный заход на посадку и приземление в заданном месте.

9

Повысительная станция – специальное сооружение на газопроводе, с помощью которого происходит увеличение давления в трубе для перекачки газа на расстояния.

10

ИУИН – Имперское Управление Исполнения Наказаний.

11

Медельинцы – Левин имеет виду членов знаменитого наркокартеля из города Медельин в Колумбии.

12

Крипо– старое название криминальной полиции в Германии и Австро-Венгрии.

13

Почонок – поезд по-польски.

14

Шабля (укр.) – сабля.

15

УПЦ – украинская православная церковь. Ее основные соперники в Украине – Церковь Московского Патриархата да польская ветвь Католической церкви.

16

«Ламба» – уменьшительное от марки «Ламборджини».

17

Лемберг – старое досоветское название Львова.

18

Хьюмидор – ящик для хранения сигар при постоянной влажности и температуре.

Купить: https://tellnovel.me/ru/valetov_yan/shkola-negodyaev

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)